АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

СТИЛЬ РАБОТЫ И ПОЛЕВОЙ БЫТ ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Посвящается 25-летию ЮТАКЭ

Ашхабад · 1972

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

СТИЛЬ РАБОТЫ И ПОЛЕВОЙ БЫТ ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

(ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ)

ЮТАКЭ
1972

Посвящается 25-летию ЮТАКЭ

Ашхабад · 1972

Под редакцией научного руководителя ЮТАКЭ
академика Академии наук Туркменской ССР
профессора М. Е. Массона

ОТ РЕДАКЦИИ

В Советскую пору в Средней Азии сложился новый тип археологических экспедиций, а именно, комплексных. Первой из них была Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) 1936—1938 гг., которая показала ряд преимуществ по сравнению с другими. Самой широкой по тематике с охватом изучения времени от каменного века до XIX в. включительно явилась Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), опубликовавшая к 1972 году уже свыше 550 работ по 15 разделам, выправившая положение с отставанием Туркмении в историко-археологическом отношении и сделавшая ряд крупных открытий, имеющих для науки большее, чем союзное значение.

Полученные результаты в значительной мере обязаны стилю и организации работ экспедиции, чему главное значение придавал в свое время Н. М. Пржевальский. Специфической особенностью при этом для ЮТАКЭ являлось проведение исследований наряду с подготовкой научных кадров из числа студентов, специализировавшихся при кафедре археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета, переименованного позже в Ташкентский. Основной костяк подавляющего большинства отрядов экспедиции составляли именно они, часть из которых продолжала работать в ее составе и по окончании университета. Об успешности подготовки кадров можно судить по тому, что сформировавшиеся в лоне кафедры и ЮТАКЭ подлинно советские археологи успешно работают в разных организациях союзных центров Казахстана и всех среднеазиатских республик, причем среди них есть и доктора исторических наук и немало кандидатов. Но вопросы о том, на каких принципах строилась сама воспитательная работа, как протекал процесс подготовки молодых специалистов, каков был порядок проведения полевых исследований экспедиции, как

строился ее лагерный быт — до сих пор не нашли должного отражения в печати.

Об этом по существу почти ничего нет и в отношении других археологических экспедиций. В порядке обмена опытом с ними и в связи с XXV-летием ЮТАКЭ составлена данная публикация на основе воспоминаний участников самого крупного XVIII-го Старо-Мервского отряда экспедиции. В ней описываются его раскопочные работы и отдельные моменты лагерной жизни по непосредственным впечатлениям самих участников, работавших в разное время на положении студентов — коллекторов.

Авторами являются следующие старые ютакинцы: Валентина Дмитриевна Горячева — много лет проработавшая в Обществе охраны памятников истории и культуры Киргизии, а теперь являющаяся аспирантом Института истории Академии наук Киргизской ССР; Галина Яковлевна Дресвянская — кандидат исторических наук, возглавляющая Проблемную лабораторию по изучению самаркандского городища Афрасиаба при Ташкентском государственном университете; Татьяна Владимировна Беляева — археолог Института искусствознания при Министерстве культуры УзССР; Маргарита Ивановна Филанович — закончившая аспирантуру и работающая в Институте археологии Академии наук УзССР; Людмила Ивановна Жукова — археолог Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана; Галина Борисовна Никольская — кандидат исторических наук и заместитель декана вечернего отделения исторического факультета Ташкентского государственного университета.

В публикацию не включены очерки тех авторов, которые запоздали с представлением их к сроку.

В. Д. ГОРЯЧЕВА

ТРИ ГОДА И ВСЯ ЖИЗНЬ

«Средняя Азия сделалась научной целью моей жизни».

Н. А. Северцов *

Первое знакомство. 1381 год хиджры (1961)

Скорый поезд Ташкент — Ашхабад быстро мчал нас к ст. Байрам-Али, в далекий и таинственный Старый Мерв, где должна проходить наша археологическая практика. Мы, студенты Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, — весьма существенная часть XVIII отряда Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции — ЮТАКЭ. Для студентов длинных дорог не существует, а в беседе с профессором даже эта безбрежная пустынная гладь с желто-серыми песчаными дюнами, саксаульными перелесками да оазисами верблюжьей колючки промелькнула незаметно, как печальная прелюдия к симфонии о былом величии этих мест. Смолкли звуки громогласных труб-карнаев, гомон ульев городских площадей, вопли бедствий и войн — лишь развалины да легенды напоминают об исчезнувших цивилизациях. А бесследно ли исчезнувших? Рассказы профессора рождают мысли. . .

Безжизненные холмы и величественные постройки. Дамбы древних оросительных сооружений соседствуют с современной жизнью Большого Каракумского канала. Прошлое и настоящее — рядом. Наш пращур — созидатель. Ему обязаны мы своим настоящим. А будущим? . .

Его творческая мысль не исчезла. Невидимой нитью заложена она в нас, в наших деяниях. Она будет продолжена по-

---

* Слова Н. А. Северцова, взятые эпиграфом к очерку, можно отнести ко всем ученикам Среднеазиатской научной археологической школы и, прежде всего, к ее основателю и руководителю профессору Михаилу Евгеньевичу Массону.

томками, как память поколений, как продолжение громадной человеческой культуры. И в бороздящих сегодня космос кораблях есть отзвук труда предка, начавшего сознательную жизнь с каменным орудием в руке. . .

Кондуктор объявил станцию назначения, но мы уже толпились в тамбуре, отсчитывая минуты нетерпения. На пути от станции Захмет до Байрам-Али уже виднелись величественные руины Старого Мерва.

Под шинами везшего нас с вокзала экспедиционного грузовика серый асфальт дымился золотистой пылью. Солнечные зайчики бегали по буграм от руин зданий и давно оплывших городских стен. Жадно вглядывались мы в силуэтные очертания древнего города. Но во всей грандиозной своей красе он открылся нам позже, при каждодневном знакомстве «на ощупь», в спокойном созерцании городища по дороге на свои раскопочные площадки.

— Приехали. Старомервский лагерь встречает нас, — сообщил один из старшекурсников.

И верно. Нас ждали. Еще нельзя было разглядеть самого лагеря и лиц людей, встречающих нас, но уже был слышен четкий ритм приветственных ударов по подвешенному куску рельса и виднелось мелькание белых платков.

Старомервский лагерь, расположенный между ранним городищем Гяур-кала и более поздним Султан-кала, встретил нас неожиданным уютом и почти комфортом. Не палаточный городок в знойной пустыне, а большой двор почти на пустыре и крупное помещение бывшей конюшни, приспособленное (и совсем неплохо!) под лагерь. Начальник лагеря наша «маленькая хозяйка большого дома» — преподаватель Замира Исмаиловна Усманова приглашает в помещение. Превращенный в «парадный вестибюль» главный вход. За ним, напротив на стене висит как лозунг древнеримское изречение: I, semper melius eris! — *Ступай (вперед), всегда будешь становиться лучше.* Женская половина налево. Направо — мужская, а перед ней столовая-музей. Он же «рабочий кабинет», вечерний клуб, по воскресным дням — «зал заседаний». Длинный стол накрыт на 30 персон. Необычно уютно, по-домашнему украшает стол большой до потолка букет полевого камыша в древнем кувшине. Вдоль стен лошадиные кормушки превращены в полки полевого музея, где мы будем впредь выставлять находки со своих раскопов. За стол садятся по-старшинству. Мы, самые младшие, дружной кучкой ютимся на заднем конце восьмиметрового стола. Так повелось с самого начала полевых работ ЮТАКЭ.

И с первых же минут, сошедши на старомервскую землю, мы приобщились к четкому ритму полевой жизни, к устоявшимся ютакинским традициям. Они делали неповторимым наше пребывание в лагере, создавали особые взаимоотношения, когда нет никого в стороне и каждый делает одно общее дело.

Перекусив с дороги, мы двинулись на осмотр городища. Археолог Светлана Борисовна Лунина провела нас протоптанными ютакинцами тропками по развалинам некогда прекрасного города, а ныне крупнейшему в СССР городищу, занимающему площадь свыше 60 кв. км.

* * *

Энергичные удары по сигнальному куску рельса известили о начале нового дня.

После прохладной ночи воздух прозрачен и сух, но солнышко, появившееся из-за величавой красавицы Эрк-калы — главного центра удивительной страны Маргианы, — очень ласковое и доброе. И даже не верится, что через несколько часов оно станет безжалостно горячим.

Михаил Евгеньевич возгласом «Доброе утро, Старомервский лагерь!» приветствует дружно привставших со скамеек ютакинцев. Спрашивает у начальника лагеря все ли благополучно, все ли здоровы, поздравляет с началом полевых работ. После окончания завтрака он распределяет нас по раскопам. На лагерной доске появляется приказ с перечнем раскопочных площадок и их шифрами, распорядок дня и график дежурства. А через час отдельными группами мы шагаем на свои раскопочные площадки. Одни на запад — на Султан-калу и далее в пригород — рабад; другие — на юго-восток к Гяур-кале. С рейками и рулетками, ножами и лопатами, с туристскими рюкзаками, служащими полевыми сумками, шагаем мы по пустырям древнего города, оглушая песней шмыгающих под ногами степных ящериц:

«Нам придется с рулеткою,
С нивелиром дружить,
Нам придется разведкою
Где б ни быть проходить,
Чтоб история на фактах крепла,
Чтоб вставали из руин и пепла
Города, соженные врагами,
Погребенные в земле веками. . .»

По дороге на раскопы Михаил Евгеньевич рассказывал и показывал то, что было для нас сокрыто и казалось чудом.

Профессор просто «на глаз» читал планировку города, называл улицы, площади, ворота в городских стенах; указывал расположение кварталов ремесленников керамистов, местонахождение Мервской мусалля (так именовалась загородная праздничная мечеть). Оказывается нужно уметь читать землю, нужно учиться видеть сквозь всхолмленный микрорельеф городища, и при этом еще быть в какой-то мере натуралистом, а не просто искателем счастливых находок, да к тому же знать письменные источники и историю изучения памятника.

— Вот здесь, — останавливаясь в северо-западной четверти Султан-калы, говорит Михаил Евгеньевич, — и заложим вашу раскопочную площадку. Холмик очень привлекательный. Он дает богатый подъемный материал: поливные изразцы и резные неглазурованные фигурные кирпичики, черепки парадной керамики, китайского селадона, кашанской и рейской люстровой утвари. Похоже, что горожанин здесь жил не из бедных. Приступайте к делу. Ни пуха, ни пера!

Михаил Евгеньевич ушел с остальными студентами на другие раскопы, а мой начальник — дипломант Мирзакаримов — стал объяснять мне, начинающему младшему коллектору, как разбивать на квадраты раскопочную площадку, проводить нивелировку, как держать нож и лопату, что такое культурный слой...

Старт в науку дан.

* * *

Суббота. 1382 год хиджры (1962)

В поле время летит незаметно. Закончилась еще одна трудовая неделя. Мы уже не думали, что экспедиция — это только дальние дороги и походные костры, шум тысячелетий и романтика поиска, волнение первопроходца и радость открытия. Нет, для нас экспедиция стала, прежде всего, трудом, а итоги этого труда — зарядом на дальнейшую работу в библиотеках, архивах, музеях, лабораториях. И не всегда считали мы себя «первопроходцами». Скорее — продолжателями тех, кто начал до нас. А мы, вооружившись багажом прошлых догадок и неудач, новыми, более совершенными методами полевых исследований, своими выводами двигали познание прошлого дальше.

Радость созидания, каждодневные маленькие и большие открытия создавали особое настроение, когда «мир без песен тесен». К тому же суббота — день короткий. В лагере стройная татарка — повариха Надежда Гафуровна Касимова — еще кол-

дует над кастрюлями и котлами у огромной плиты в клубах ароматного пара. Аппетиты и без того давно уже разыгрались. Ждать невмоготу. Бежим к заместителю начальника экспедиции по хозяйственной части персу — Гулямову с русским прозвищем Федор Алексеевич. У него всегда что-нибудь найдется, на любой спрос: «1-й том Трудов ЮТАКЭ? — пожалуйста», даже иногда «на память». Соленых огурцов? — «Завтра привезу, кушай на здоровье» — и привез. Привез и аккордеон. А вот газеты не привез. Состоялся забавный диалог, развеселивший всех нас.

— Газеты привезли, Федор Алексеевич?

— Нет, Михаил Евгеньевич. Переехала она.

— Кто она?

— Будочка. Сейчас поедем в баню, найдем и привезем.

— Привезете будочку? ..

Выезд в Байрам-Али совершался каждую субботу, после рабочего дня. В машине сутолока, веселье. Поем по дороге в баню и на обратном пути, заставляя улыбаться прохожих. Юноши, работавшие у нас на раскопках, приветливо машут руками, зажигая завистью глаза тех их товарищей, кто еще не поступил к нам на земляные работые в Старом Мерве. Нас здесь знают. И в первую очередь профессора. Сначала его принимали за иностранца, из-за его белого тропического пробкового шлема, а потом оказалось, что он свой, совсем «туркмен», и знает о прошлом Туркмении гораздо больше любого «мудрого шейха».

По возвращении из города, отужинав и еще до выезда в баню доложив профессору об итогах рабочего дня, мы продолжали песню здесь же за столом. Пели с нами и Михаил Евгеньевич, и преподаватели, и Федор Алексеевич. Правда, последний некоторых песен не знал, но в такт песни открывал рот, чтобы профессор не задал очередной вопрос — «Почему вы не поете?». Этой хитрости хозяйственника следовали и ряд безголосых, и те, кому сегодня не до песен — завтра доклад на полевом заседании студенческого научного археологического кружка (СНАК). Кажется, и песней волнения не заглушить. Но хорошая песня брала свое. Были у нас свои запевалы — свой «Эмиль Горовец» — уйгур Масимов, Светлана Борисовна и автор очерка, он же по совместительству иногда и аккомпаниатор.

Любили рускую песню. Пели и старинные, и современные. Правда, многоголосого пения не получалось. Басовые партии вел один «батя», как называли мы Михаила Евгеньевича, а остальные мужчины тянули в унисон с женщинами. Исполнялись

и сольные номера, и тогда все дружно хлопали солисту, если он, конечно, того заслуживал, хоть не мастерством, но уж старанием непременно.

С песней мы дружить умели. Однажды, по дороге к нам на раскоп, Михаил Евгеньевич вспомнил старинный романс, пришел — и спел. Спел в полный голос, во всю ширь городища. Здорово!

За субботним столом были не только песни и шутки. Были рассказы из жизни самого профессора и тех, кого он знал по дореволюционному периоду. Оживали люди, сошедшие со страниц научных «Протоколов» Туркестанского кружка любителей археологии и запыленных архивных листов. Люди замечательные, много сделавшие ради чести русского приоритета в науке.

Хорошо запомнились разговоры об А. П. Чехове, Ф. И. Шаляпине, о замечательных советских ученых, изречения которых мы заносим в свои полевые дневники и записные книжки. Ни день, ни час не прожит зря — мы постоянно в пути к знаниям.

В долгих беседах за субботним столом узнавали мы и своих учителей.

Интересна и содержательна жизнь нашего профессора. В Петрограде он участвовал в Февральской революции. На юге России — в Октябрьской. Там вместе с товарищами по Совдепу ликвидировал один из заговоров против Советской власти и лично арестовывал его главу — жандармского полковника дворянина Ржевского. В конце 1917 года в него стрелял белый офицер, когда М. Е. Массон в 3 часа ночи возвращался с заседания Совета рабочих и солдатских депутатов. Потом мы видели членский билет «Совета рабочих и солдатских депутатов», выданный прапорщику 1-й батареи 5-го артиллерийского дивизиона юго-западного фронта М. Е. Массону 27 октября 1917 года.

Многое рассказывал профессор... Вспоминал с удовольствием первые годы Советской власти, говорил о делах Совдепов и их комиссарах, о своем ежегодном «активном» отдыхе в Кисловодске, где он состоит членом различных краеведческих организаций и народных музеев. Надо везде успеть. Главное — вперед. Беседы с профессором продолжались и дома, в Ташкенте, часто у старинного концертного пианино, которому еще больше лет, чем его хозяину.

«Последний звонок». 1383 год хиджры (1963)

«Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» стали символом жизни. И верно говорил учитель: «Археоло-

гия — профессия не для слабых». В 1961 году нас на курсе было вдвое больше. А сегодня «последний звонок» прозвенит, а вернее удары по куску сигнального рельса прозвучат только для нас, дипломантов — Бахтул Абдулгазиевой, Ляли Букинич, Уткура Алимова, Нелли Галочкиной, Бори Кочнева, Зафара Хакимова, Пети Гаврюшенко, Гали Дресвянской и для меня.

В лагере торжественно, но нам грустно. Очень нелегко прощаться с местами, где узнал, что такое настоящий экспедиционный труд, дисциплина, дружба, единая трудовая семья преподавателей и студентов, где начинал и где вырос.

«Кто видел Мерв, кто поселился в нем,
Найдет ли счастье в городе другом? . .».

Эти слова из стихотворения средневекового поэта звучат в унисон нашему настроению.

По дороге на раскоп, как всегда, «здороваешься» в последний раз с мавзолеем Султана Санджара. Нас разделяет восемь столетий, но мы «хорошие друзья». «Здравствуй-уй-уй» — разносится поразительным эхом по городищу ответное приветствие. Удивительный памятник. Он манит к себе своим безмолвным величием, которое обязано гению древнего зодчего. Оно заставляет каждый раз мысленно склонять голову перед талантом создателя этой поистине величественной усыпальницы.

Память народная не терпит пустоты. Легенды о Санджар- и Мази, великом брате великого Илек- и Мази, похороненного в далекой Фергане в Узгене, переплелись с действительностью. Где легенда, а где правда — разбирать нам, без пяти минут археологам. Мы научились уже и этому.

Как мы выросли. . .

Вот стенка из сырцового кирпича со следами неуверенного ножа, пытавшегося отличить кладку от завала. . . А теперь мы находим ее, даже если она сохранилась на один ряд кирпича, а то и вовсе по следам. «Тому, кто прошел практику в Мерве, — говорил профессор, — не страшна любая земля, любой раскоп в Средней Азии». Любуешься итогами собственного труда. Слои раскопа один за другим поведали историю дома, да и всего городища в целом. Первый период обживания. Расцвет жизни. Упадок. Новое обживание. Погром. Трагедия. Третье обживание. Жизнь замерла. . .

Сколько за три года переброшено на раскопочной площадке земли, мыслей! Здесь научились мы копать, «читать землю», устанавливать и осмысливать факты, добытые в процессе археологических вскрытий. За вещественными доказательствами

встают люди, жизнь, эпоха... Наверное, не будет раскопа роднее этого, с которым выходишь на самостоятельную дорогу.

Не миражем пустыни и не больным воображением в последний раз рисуется былой цветущий город с большими и малыми улицами, шумными площадями и уютными домами. Караван верблюдов плавно и степенно мысленно проплывает мимо раскопанного нами богатого дома, где жил некогда твой милый homo sapiens.

Прощай раскоп. Я знаю, что мой коллектор и преемник по рабочей площадке, башкир Анвар Билалов, будет поддерживать твою добрую славу.

Последний раз прикасаешься рукой к стенам. Теплые плиты кирпича, еще хранящие запас дневной жары, ответным ласковым шорохом царапают ладонь.

В лагере все ощущаешь особенно остро, и каждая мелочь приобретает какое-то новое значение и смысл, как будто все хочешь запомнить, унести с собой на долгие годы. А может быть навсегда...

Ребята младших курсов занимаются камеральной обработкой материала, не ведая, как трудно будет расставаться им с лагерем ЮТАКЭ через 2—3 года, как не ощущали три года назад этого и мы. Эдик Ртвеладзе готовит доклад к очередному заседанию СНАК. Сколько прозвучало научных докладов и сообщений в этом «зале», бывшей конюшне, за этой вот полевой кафедрой, складывавшейся на время заседаний из пустых укупорочных ящиков и туго обтягивавшейся зеленой занавеской профессора? И сколько еще прозвучит?!... Мы уже знаем, что седовласые доктора и кандидаты наук, дипломанты-выпускники и только начинающие свой путь в науку студенты младших курсов — все с одинаковым волнением становились за эту кафедру. Все прочувствованно; каждый пережил здесь взлеты радости, а иногда и горькие минуты.

Ночью не спится. И хотя выходить из лагеря в ночное время запрещено, хочется взглянуть последний раз на Мерв под темным шатром звездного купола. Но не спится не только нам. Впереди, на фоне средневековой руины Кыз-калы маячит темный силуэт нашего профессора.

Не задорным утренним подъемом, не строгим ритмом приглашения к научному заседанию, не мелодичным напевом колыбельной звучат удары рельса. Эти удары провожают нас в самостоятельную дорогу.

Не жалея ладошек хлопали нам на прощанье оставшиеся в лагере младшие ютакинцы. Так и мы встречали и провожали близких нашему коллективу людей.

Долго слышится отъезжающим на экспедиционной машине прощальный звук рельса, пока, наконец, лагерь ЮТАКЭ не скрывается за поворотом дороги.

И вся жизнь. 1971 г. н. э.

Для многих из нас «Он» не был первым учителем, но стал единственным. «Мой учитель» — сколько удивительной теплоты и гордости заключено в этом слове.

Мы уже Георгиевны, Исмаиловны, Дмитриевичи, а профессор пишет: «Дорогая Валя», «Здравствуйте, Петя». А Петя готовится стать дедушкой. И мы давно стали мамами и папами; наши дети шлют фотографии своему «ютакинскому деду» — дедушке Михаилу Евгеньевичу или просто «деду Мише».

Оказалось, что университет есть университет, а учитель — он всегда рядом. Ему поверяем мы свои открытия, домыслы, промахи, у него ищем совета, ему посвящаем свои труды. Ему, нашему «Бате», «Патриарху Археологии Всея Средней Азии». А он шлет свои труды нам, своим многочисленным ученикам. И в каждом деловом письме после дачи консультации и ответа на конкретный, связанный с наукой вопрос, можно найти и такие фразы: «Археолог не может жить без поля!»; «Меня больше всего беспокоит Ваш рост как археолога»; «Мы с Вами, представители советской интеллигенции, живем, чтобы работать»; «Не срамить чести советской науки!»; «Археолог должен прежде всего исходить из фактов материального порядка»; «Пропаганда науки — долг каждого археолога нашей школы»; «Встревожен Вашим молчанием. Очень жду от Вас очередной статьи. Вы это можете»; «Не падайте духом. Конь и о четырех ногах, да спотыкается»; «Очень доволен Вашими успехами»; «Жду Вас, приезжайте»; «Ютакинский дедушка гордится своей внучкой, так хорошо развивающейся»; «А на Новый год подниму бокал за всех моих учеников, пожелав им успешной деятельности на поприще советской науки, которой мы служим».

«Ваш учитель — М. Массон».

Г. Я. ДРЕСВЯНСКАЯ

СУББОТА 22 ОКТЯБРЯ 1966 г. В ЛАГЕРЕ XVIII ОТРЯДА ЮТАКЭ

(Полевые работы осеннего сезона ЮТАКЭ посвящены грядущему 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции)

«Первый признак разумной жизни — работа».

Академик А. А. Богомолец *

Проснулась за несколько минут до подъема. Но не хочется вылезать из теплого мешка. Моей соседки «по стойлу», Нины Столяровой, уже нет. Она сегодня дежурная и встала раньше.

Мы, члены экспедиции, живем в необычно комфортабельных условиях. Стоящую среди огромного двора давно пустующую заброшенную колхозную конюшню мы отремонтировали, вставили стекла и оказалось, что она очень удобна. Живем по два человека в стойле. Целое стойло отведено под кухню. В помещении одного младшего конюха живет наш завхоз — неунывающий перс Федор Алексеевич Гулямов, оформивший в этом году официально в паспорте свое имя как Фердоус сын Али Аскера Мани. Помещение второго отведено специально для гостей — михманхона. В комнатке для старшего конюха живет наш учитель и научный руководитель Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции проф. М. Е. Массон. Снятые с двух сторон перегородки девяти стойл образовали большой трехнефный зал, где в центре стоит длинный стол, а по периметру создана экспозиция полевого музея. За ним располагается мужская половина.

Из кухни доносятся приглушенные голоса двух дежурных и поварихи, верной ютакинки Надежды Гафуровны Касимовой. Слышен шум машины, отъезжающей в Байрам-Али за земле-

* Девиз работ ЮТАКЭ 1966 г.

копами. И сразу же возникает мысль, если сегодня придут все рабочие, одного надо поставить на очистку старого раскопа. Кое-где оплыли стены. Я люблю старые раскопы, и мне больно видеть их разрушение. В безмолвии заброшенного раскопа слышится скрытый упрек. Раскопы, как люди, бывают разные: трудные, заманчиво таинственные, или в кажущейся простоте таят такие загадки... Раскопы бывают даже лукавые и грустные. Честное слово. Они не похожи друг на друга, но все одинаковы в одном — они интересные...

Чистые и частые звуки сорока ударов железного стержня по отрезку рельса, повешенного в центре двора, сигналят подъем. И сразу же лагерь зашумел. Побежали к умывальникам юноши и девушки. Сталкиваясь в «вестибюле», приветствуют друг друга: «Доброе утро!». А утро действительно доброе. Нежный восход солнца раскрасил небо в удивительные цвета: от лазоревого на западе до блеска расплавленного золота на востоке. Перламутровые облака обещают прохладу днем. А в столовой и на кухне громко перекликаются дежурные в белых халатах: «Нарезал хлеб?», «Неси ложки», «Чай готов!». На женской половине перед «трюмо» (небольшим настенным зеркалом) столпились ютакинки. Смех. Кто-то запел: «Суббота, суббота, прекрасный денек». Опять удары рельса (сигнал — к столу) и, захватив пиалы и блокноты, второпях шествуем в столовую.

Длинный стол. Посредине огромный букет из камыша. За столом у каждого свое место. Соблюдается строгая иерархия. В конце стола сидят первокурсники, затем второй, третий, четвертый, пятый курсы, аспиранты, преподаватели кафедры археологии — 30 членов дружной семьи из 13 национальностей и во главе стола проф. М. Е. Массон.

Вот он входит в столовую. Все встают. Быстрыми шагами направляется к своему месту, на ходу приветствуя традиционной фразой «Доброе утро, Старомервский лагерь!». Подходит к столу, обращается к начальнику лагеря Замире Исмаиловне Усмановой: «Все ли у нас в порядке? Происшествий нет? Все ли здоровы?». «Все в порядке» — отвечает Замира Исмаиловна.

Завтрак начался. Сегодня гречневая каша и, как всегда, салат из помидоров. Кончился завтрак также по сигналу. К этому времени вернулась машина из города. Рассаживаемся по машинам. Гяур-калинцы на одну, султан-калинцы на другую. На эту же машину садится и наша группа загородного некрополя. Подъезжая к раскопу, еще издали пытаюсь определить, сколько человек сегодня пришло. О, сегодня все четверо! Да, с рабочими у нас плохо. Особенно туго стало с тех пор, как

началось строительство Большого Каракумского канала. Там лучше платят. У нас в основном работают мальчишки, учащиеся вечерних школ Байрам-Али. А работа трудная, требует внимательности, осторожности.

Работу начали в 9 часов утра. Сегодня продолжаем вскрывать камеру № 9, одну из многих в зданиях некрополя. Вся она была сплошь заполнена коллективным захоронением. Мы их датируем IV веком, когда во время массовых гонений на христиан в Персии погибло множество народа, не только исповедывавших христианство, но и сочувствующих им, или даже просто по доносу завистников.

В камере разме ром 7×2 *м* находилось более 4 десятков скелетов мужских и женских, взрослых и детских. Уложенные на полу, они выглядят после расчистки чрезвычайно эффектно. Сколько здесь похоронено несбывшихся надежд! Какие мысли беспокоили этих людей при жизни? Конечно, не только о хлебе насущном, ибо «не хлебом единым человек жив». Они искали свой путь познания бытия, у них было свое мироощущение, отличное от официальной государственной философской системы. И, может быть, они поплатились за это. Пройдут века, и их потомки так же будут уничтожать инакомыслящих...

А работа спорится. Ножами и кистями очищаем очередной скелет. Рабочие относят землю. Они первые еще издали увидели машину, направляющуюся в нашу сторону. По силуэту определили — наша. Машина подошла ближе. Через ветровое стекло кабины виден белый шлем. Это профессор М. Е. Массон. Его сопровождают начальник лагеря З. И. Усманова и доцент С. Б. Лунина. Михаил Евгеньевич в своей обычной «штормовке» (когда-то цвета хаки, а теперь пожелтевшей от времени), в пробковом шлеме и с неизменным крупным парусиновым топографическим зонтиком, который мы зовем «парашютом», подходит к раскопу. «Здравствуйте, площадка!» — слышим знакомый доброжелательный голос. — «Рассказывайте, что тут у Вас». Начинаю рассказывать и показывать. Сваленные костяки, которые раньше считались навалом костей, при тщательной расчистке показали регулярное захоронение. «Интересно, — отмечает Михаил Евгеньевич, — значит стратиграфия напластований является иной, чем это рисовалось прежде». А вот миниатюрные камеры, поставившие меня в тупик. Пустые клетки — что это? Михаил Евгеньевич советует, где лучше с минимальной затратой рабочей силы углубиться ниже этих камер, чтобы выяснить, не связаны ли они с более ранним строительством зданий некрополя. И тут же вопрос: «А что Вы думаете об их

назначении?» У меня сразу две гипотезы. Михаил Евгеньевич смеется и ободряюще говорит: «Думай, думай... только не спи!»

На прощание профессор М. Е. Массон угощает всю раскопочную группу конфетами. Эти «усладенки», как называл их в своих экспедициях Н. М. Пржевальский, тоже традиция. Иногда, хотя и редко, проф. М. Е. Массон уходит с раскопа, не угостив конфетами. Значит, он заметил, какое-то упущение в работе или дисциплине. Вечером он подробно информирует весь отряд о своих впечатлениях, полученных им на всех посещенных раскопочных площадках, и дает необходимые рекомендации. Дважды подряд никто никогда не вызывал неудовольствия профессора. Сегодня профессор нами доволен. Это видно сразу. Угощая конфетами рабочих, Михаил Евгеньевич узнал и по-хорошему вспомнил Мулька, широко известного в Байрам-Али под именем «Таманго». Он работал у нас и в прошлом году. И Мульки-Таманго очень горд этим обстоятельством.

Сегодня короткий рабочий день, без перерыва на обед. Но мальчишки к 12 часам проголодались и в 10-минутный перерыв решили перекусить. Угощают и нас. Тощая самса с трудом пережевывается.

— Али, а что это у тебя самса без мяса? — спрашивает Виктор Пилипко.

Али, взглянув огромными черными глазищами, нехотя ответил: «Да мать, как стала работать в столовой, научилась мухлевать». Мы дружно фыркаем. Задыхаясь от смеха, Гена Афанасьев уточняет: «Она на домашних экономит!». Али кивает и тоже смеется.

Подошел автобус с экскурсантами. Это учащиеся школы № 25 колхоза Кызыл-Кошун Мургабского района во главе с учителем Мухаммад Дурды Сарыевым. Школа эта, патронируемая проф. М. Е. Массоном, является первой в Туркмении по активности историко-краеведческой работы. Ребята слушают внимательно. Глазенки блестят. Наиболее непоседливые срываются с места и пытаются перебежать через раскоп. «По заметенному не ходить» — предупреждаю ребятишек, и тут же десяток — «а почему?». Начинаю рассказывать о культуре земляных археологических вскрытий, о методике проведения раскопочных работ, разработанной проф. М. Е. Массоном и принятой в настоящее время многими советскими экспедициями. Наконец, экскурсия закончилась. Прощаясь, слышу обещание приехать еще. Такие экскурсии бывают у нас часто. Хотя они и отнимают время, но мы не сетуем, а даже рады им, особенно школьникам. Кем бы они не были, где бы они не жили в буду-

щем, они будут полезными для науки гражданами, если удастся заронить им в душу искорку любви к своей истории, к прошлому своего народа. А как часто погибают ценнейшие памятники на глазах или по воле равнодушных, холодных чинуш и обывателей. Но к счастью теперь нередки и такие случаи: недавно бульдозерист передал ЮТАКЭ чрезвычайно интересный клад фальшивых серебряных монет XI в., а один колхозник нашел средневековый кирпич с непонятной для него надписью и нес его к нам несколько километров. Вездесущие же мальчишки нашли в земле как-то глиняный кувшин и не разбили его, а принесли в школу и положили начало своему школьному краеведческому уголку. Мы не считаем потерянным временем часы, затраченные на прием экскурсий. В этом сезоне побывало 834 человека, а в прошлом мы приняли 1333. Объехав раскопы, обычно экскурсанты направляются в наш лагерь, где часто их принимает и дает им объяснения сам профессор М. Е. Массон.

В 1 час дня кончается укороченный рабочий день. Подходит машина. В лагере встречаем наших знакомых школьников, которые окружили профессора. Михаил Евгеньевич показывает им античное ядро пращи и объясняет как им пользовались, а школьники хором называют туркменское наименование ядра.

Когда мы, сильно запыленные, нагруженные тяжелыми сумками, входим в наш лагерный «вестибюль», первое, что замечаем, это новый листок, наклеенный на доску объявлений. Прежде всего сюда. Это проф. М. Е. Массон вывесил приветствие археологам Института истории Академии наук Туркменской ССР, которые должны приехать к нам завтра утром, чтобы принять участие в 316 научном заседании. Взгляд скользит к правому нижнему отделу доски, где в неофициальном разделе приклеен листок с отрывками из поэмы Фирдоуси. Снова перечитываю великолепные строки о Мерве. «Прекрасен Мерв зимою как весной. . .». Но надо спешить вымыться и переодеться к обеду. Сигнал оповестил обед в 3 часа дня.

Сегодня на обед отличный кавардак. За чаем отчитываемся о последних полученных результатах. Начальники всех десяти раскопочных площадок, работающие на разных объектах от середины 1-го тысячелетия до н. э. до XII в. н. э., по очереди подходят к профессору с чертежами и находками. Рассказывают, что сделано за день. Михаил Евгеньевич слушает, записывает себе в дневник новые данные, советует, как лучше решить тот или иной вопрос, ставит задачи на следующую неделю. По окончании отчетов зачитывает во всеуслышанье полученную сегодня

по почте очередную информацию за десять дней от первого отряда ЮТАКЭ, производящего раскопки на городище Старая Ниса в селении Багир. Все сидящие за столом ютакинцы хотя и пьют чай, но внимательно прислушиваются ко всему, кое-что записывают, рассматривают пущенные по столу находки: статуэтки, монеты, бусы, керамику и другие объекты. Часть находок тут же размещается в лагерном музее на полках.

От внимания сидящих не ускользнет ни интересный факт, ни неудачная фраза отчитывающегося. За культурой речи следят все, и прежде всего проф. М. Е. Массон. Но иногда прорывается профессиональный жаргон, и сорвавшиеся с уст выражения приобретают неожиданное звучание. Например: «На Эрк-кале сегодня поднят всадник без головы» (т. е. найдена терракотовая фигурка всадника с отбитой головкой); «Весь день сидели на ножах» (т. е. из-за особенностей культурного слоя вынуждены были, отложив лопаты, работу вести более деликатно ножами); «В 1-м ярусе встречен скелет в цилиндре» (т. е. кости покойного оказались засунутыми в гончарные трубы-кобуры цилиндрической формы). Такие выражения тут же берутся «на карандаш» для помещения в рукописный журнал «Веселый щуп», в котором есть несколько разделов: «Дела научные», «Дела бытовые», «Дела международные», «Нам пишут» и в том числе — «Как мы говорим». Корреспондентами являются все ютакинцы.

После обеда нас отпускают в баню в Байрам-Али. Суматоха недолгих сборов, и вот уже все на машине. При въезде в Байрам-Али на городище Абдулла-хан-кала «отцы города» устроили мусорную свалку.* Не доезжая до нее, заранее затыкаем носы. Кто-то острит: «Газы» — и, подражая армейскому артикулу, отдает команду: «Надеть противогазы!». Проскакиваем «зараженную зону» и въезжаем в Байрам-Али. Крики «ура!» — восторгу нет предела. Приветствуем и бродячую собаку, и привязанную козу, и, конечно, жителей, которым мы хорошо знакомы. Несколько поколений байрам-алинских мальчишек трудилось в нашей экспедиции в течение 20 лет. Нас встречают и провожают улыбками. У бани сходим и договариваемся о встрече у дома, где живет наша повариха.

Обратный путь совершаем уже при луне. Городища, через которые мы проезжаем, кажутся еще огромнее и таинственнее. Словно моргающее покрывало наброшено на бывший город. Это в лунном свете поблескивают мелкие средневековые стек-

* И до 1971 г. все осталось без изменений. Изменяется только количество мусора, который из года в год прибавляется.

лышки и черепки былой поливной утвари. Огромная луна не отстает от машины. Только иногда облачко, как бы пытаясь задержать ее, закрывает ненадолго лучистую корону, и тогда на поверхности городищ исчезают светотени стен и оплывших домов, а укатанная дорога просматривается только под светом фар. Едем медленно. В машине все притихли. Какое-то необыкновенное очарование оцепеняет.

«Если б я в бога веровал
И верой горел как свеча,
На развалинах древнего Мерва,
Я бы сидел и молчал».

Так, как сказал В. Луговской, мог сказать только очень хороший поэт, который был в Мерве, слушал звенящую тишину знойного полдня и растворялся в великолепии подлунного Мерва...

Вдруг при въезде в Северный обвод Султан-калы сильный толчок. Почти все в машине падают. Слышны вопли. Кто-то делает безрезультатные попытки освободить свою ногу из-под упавшей доски. Кто-то кричит — «Это же моя нога!». Наконец, разбирают свои руки и ноги. Синяки будут подсчитывать потом, а сейчас будем петь. Приближаясь к лагерю, видим на оплывших руинах большого раннефеодального замка внушительную фигуру профессора, который на этом месте обычно любуется заходом солнца, а сейчас ждет нас. С песней въезжаем во двор. В столовой уже все готово к вечернему чаепитию. После чая традиционное песнопение. Одной из 13 заповедей археолога-ютакинца * является следующая: «Археолог не должен пить, но петь должен; нет голоса — пой желудком». Голоса у нас у всех есть. Есть хорошие, а есть разные. Но в хоре поют все ютакинцы. По знаку Михаила Евгеньевича запели «Кто бывал в экспедиции, пусть поет этот гимн...». Песни лирические сменяются шутливыми. Особенно хорошо получается:

«Проробыв у пана я седьмое лето.
Заробыв у пана бычка я за это.
Мой бык — телебык, моя теля — хвостом меля,
Моя коза — телебоза, моя индя — шиндя брындя,
Моя утя — хвостом крутя, мой петух — телепетух,
Мои куры — шуры-муры семечки клюют».

Причем, поется в темпе «аллегро», все более и более убыстряющимся и заканчивается скороговоркой. Хоровые номера сме-

* Заповеди опубликованы в журнале «Веселый щуп».

няются сольными. Иногда и проф. М. Е. Массон начинает подпевать своим могучим изумительным басом. Особенно профессор любит песни: «За фабричной заставой...» и «Славное море, священный Байкал...».

Но сегодня вдруг появилась неожиданная пауза. Несмотря на подбадривание профессора, все молчат. Кое-кто похихикивает. Наконец Тиркеш Ходжаниязов сообщает: «А сейчас будет петь Борис, он знает новую песню». Борис Кочнев покраснел и наотрез отказался. Когда же и Михаил Евгеньевич присоединился к просьбе ютакинцев, солист откашлялся и, уставившись на рисунок клеенки стола, дребезжащим голосом начал: «Пошли мы с другом в горы. Ого-го, ого-го...». Песня была закончена под одобрительный смех всего лагеря.

Мы неплохо проработали неделю и умеем хорошо отдыхать. Иногда после пения читаем стихи. На этой неделе Михаил Евгеньевич в книжном магазине Байрам-Али купил томик С. Кирсанова, и Светлана Борисовна Лунина вслух читает сказание про царя Макса-Емельяна, жену его Настю, двести тысяч царей — его сыновей, графа Агриппу, пустынника Власа, воина Анику, царевну Алену, мастера на все руки и прочих.

Но все, что имеет начало, имеет и конец. Кончился и замечательный субботний денек. Размеренные звуки рельса напоминают о незыблемом распорядке дня. 10 часов вечера. Завтра, в воскресенье, научное заседание. Часто устраиваются и выездные заседания. На заседаниях как в лагере, так и на выездных, присутствуют гости — местные жители. Приглашаются все, кто интересуется археологией, все, кто любит историю, страницы которой утопают в пыли, и на которых мы читаем «жизни былой сокровенную быль».

Отбой. Завтра новый день. Новый, по-своему замечательный день: будет отмечаться 20-летие деятельности ЮТАКЭ. Уже получены многие десятки поздравлений из 15 городов!

Т. В. БЕЛЯЕВА

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 ОКТЯБРЯ 1965 ГОДА. ВЫЕЗД НА ГОРОДИЩЕ УЛЫ-КИШМАН

Погас свет. Умолкают голоса ребят в Мервском лагере ЮТАКЭ, разместившемся в здании заброшенной конюшни. Кончилась первая неделя студенческой практики на городище Старого Мерва. Мы уже привыкли к физическому труду, но еще немного болят неокрепшие мышцы. Завтра воскресный день, поэтому изменится распорядок дня: подъем будет на час позже. Потом выезд на дообследование городища Улы-Кишман. Там же во вторую половину дня состоится заседание студенческого научного археологического кружка.

И выпало же мне дежурить в воскресный день! Встала, тихо оделась и пошла будить второго дежурного. Прохожу мимо двери «кабинета» Михаила Евгеньевича (помещение, где раньше находился старший конюх), а у него свет. Значит уже работает. Но ведь еще темно, и звездочки борются с узкой полоской рассвета. Безмолвно. Все ребята спят. Я треблю второго дежурного — Арифа Абдукадырова, несмотря на то, что ему очень хочется поспать еще. Прошу его принести дрова и воду. Повар, наша Надежда Гафуровна, на сегодня уехала домой, и мне предстоит заменить ее. Да мы, неугомонные, своей болтовней так мешаем отдыхать ей вечером в своем «стойле», примыкающем к нашим «дортуарам». Зажигаю керосиновую лампу на кухне и готовлю завтрак.

Ровно в 7.00 раздаются 40 ударов веселого перезвона — «тай, тай, вставай!» Но ребята и не думали нежиться в постелях. Все по привычке уже на ногах. Одни сбегали умыться, другие только начали прыгать в такт «звонку», состоящему из треноги с подвесным куском рельса. Идет разгар осени, но дни еще теплые и ясные.

После обычной процедуры с утренним приветствием за столом профессора М. Е. Массона и бодрого отчета начальника

лагеря Замиры Исмаиловны Усмановой о полном благополучии в коллективе отряда, басит голос нашего завхоза Федора Алексеевича Гулямова: «Михаил Евгеньевич! Мост через головной арык на дороге в Байрам-Али совсем стал плохим. Наши машины по нему не проедут».

— Хорошо, кто не поедет в маршрут, займется ремонтом моста — слышится краткий ответ.

— Как? Вы сейчас уезжаете? — спрашивает с тревогой в голосе приехавшая к нам вчера из Мары учительница Т. С. Фролушкина, — но куда же? Ведь сегодня воскресный день.

— В экспедиции простоя не должно быть, — строго говорит профессор.

Убрано со стола, перемыта посуда, собираемся в маршрут. Пришла на кухню доцент Светлана Борисовна Лунина и проверяет, все ли приготовлено для поездки: инструменты, посуда, еда, кипяченая вода.

Через пять минут будет дан звонок в ритме марша.

— По машинам, с песней — скомандовал Михаил Евгеньевич, и в 7 часов 50 минут поехали, запевая.

В 30 *км* к северу от Байрам-Али находятся развалины под названием Большой Кишман («Улы-Кишман»), куда мы направляемся. Но это по прямому направлению, как ездили прежде. Теперь же с проведением Каракумского канала путь удлинился до 70 *км*.

Сначала мы едем по пыльной кишлачной дороге, потом по асфальтированному шоссе до моста через Каракумский канал. Переехав его, движемся сперва на восток, потом на север. Повернув на запад, проезжаем близ развалин Ку'ртлы-депе, опознанных ЮТАКЭ как городище средневекового Пашана. Для его посещения спустили небольшую группу ребят во главе с З. И. Усмановой.

Машина еще долго колесит по бездорожью до «Большого Кишмана». Тамошнее городище, обнесенное внешними стенами и имеющее мощную цитадель, отождествляется с древним городом, носившим в раннем средневековье название Хурмузфарра. Сейчас его засыпают пески каракумской пустыни, а крупных стационарных раскопок на нем пока не проводилось. Нам предстоит фиксировать все, что еще возможно на городище, а особенно в северо-западной части, где находилось кладбище IX—XII вв. Изучение погребений, сбор намогильных кирпичей с эпитафиями и обследование городища предстоит нам и сегодня. Это для молодых ютакинцев новое задание, так как в Старом Мерве мы больше имеем дело с жилой или культовой

архитектурой, с городскими укреплениями и с керамическим производством.

После прибытия на место археолог Тиркеш Ходжаниязов был отправлен на машине для объезда соседних земель древнего орошения, освоенных вновь созданными совхозами Кара-Кум, Байрам-Али и Москва. Он должен выяснить, не было ли там за истекший год обнаружено, в связи с производством земляных работ, каких-либо древних остатков строений или хотя бы находок отдельных предметов старины, в том числе монет. Несколько человек под руководством С. Б. Луниной занялись сплошным обходом довольно обширного городища и его цитадели. А мы, бо́льшая часть, разбитые на группы по три человека каждая, остались с Михаилом Евгеньевичем на былом кладбище, расположенном к северу от Хурмузфарры. Поиск следов захоронений там, где подвижные пески заволокли все, не так уже прост. Та группа, что найдет скромный серый холмик, полузанесенный песком или развеянный хоть частично от него, начинает раскоп. Сначала надо определить север — юг. «Если нет компаса, то можно по часам», — подсказывает Михаил Евгеньевич. В могильной насыпи может лежать кирпич с эпитафией или куски от него с надписями. Такую находку необходимо взять особенно бережно. Подобные кирпичи являются важными эпиграфическими памятниками средневековья, а начало их розыска и изучения положено деятельностью нашей экспедиции. После того, как нащупали могильную яму, студенческие лопаты заработали быстрее. Фиксируется все, даже на первый взгляд незначительные штрихи. Расчищаем уже три могилы. Михаил Евгеньевич крупными шагами измеряет расстояние от одного погребения до другого, тут же переводит шаги в метры и отмечает их на ранее составленном им сводном плане городища. Ему помогает Виктор Пилипко, темой дипломной работы которого будет изучение ЮТАКЭ именно средневекового кладбища Хурмузфарры за разные годы.

Мы проводим исследование не только прежних погребальных обрядов былых жителей этого города. Нам необходимо получить и антропологический материал. Среди черепов, добытых пока в столичном Мерве, большинство принадлежит пришельцам из Согда. Допустимо предполагать, что кладбище Хурмузфарры, находящегося на окраине пустыни, даст большую часть черепов коренного местного населения. Под конец раскопки мы осторожно расчищаем прекрасно сохранившийся череп покойного, оказавшийся во вскрытой нашей группой мо-

гиле, и тщательно упаковываем его к отправке в Ташкент для детального антропологического изучения.

К обеду заканчиваем земляные работы. Уставшие от физического труда, переходим к фиксации сделанного. Надо все зарисовать, промерить, составить чертежи. Зовут меня. Я фотографирую все раскопы и общим планом и деталями. Ищу интересную точку съемки, захватывая объективом и сухие кустики солянок и зыбкую рябь сыпучего песка. Готово. Можем отправляться на обед.

К востоку от цитадели и шахристана, почти на окраине городища стоит без окон и без дверей давно опустевший домик пастуха. Там решили приземлиться для трапезы, заменяющей обед. Сначала разогнали птичий базар голубых сизоворонок. Потом убрали обрушенную часть крыши. Выскоблили земляные полы от надувного песка и птичьего помета как в обоих комнатах, так и перед домиком со стороны «парадного входа». Теперь надо чуть-чуть обладать фантазией, чтобы в одном из помещений признать «банкетный зал». На двух огромных листах оберточной бумаги лежат сухие пайки обеда, а вокруг разместились ребята. Такой шум! Рассказывают сразу все. Султанов Хайрулла — о раскопанной им керамической печи за восточной стеной городища. Суздальцева Нина показывает терракотовую статуэтку богини-матери. Кто-то возбужденно повествует о найденных кусках археологически целого привозного котла из тальково-хлоритовой породы. На его каменных фрагментах видны следы древнего ремонта, осуществленного с помощью медных скобок. Анвар Билалов показывает кусочки ткани от савана, вынутые им из вскрывавшейся нашей группой могилы. Среди других найденных предметов все с интересом рассматривают миниатюрный шестигранный глазок каменной печати, некогда предназначавшейся для кольца. На нем искусно вырезана мелкими изящными буковками одной из вычурных разновидностей почерка несхи коротенькая арабская надпись. Профессор прочел в ней имя ее владельца — «Мухаммед сын Мансура» и датировал печать XI — первой половиной XII вв. У подножья цитадели с северной стороны сам Михаил Евгеньевич подобрал три крупных клинчатой формы жженых кирпича. Они служили еще в эпоху арабского завоевания в качестве подпорок корчаг-хумов при их обжиге в керамических печах.

Чтобы разглядеть все находки, нужно время. А уже пора приступать к еде. Солнце клонится к закату. К тому же не проголодавшихся среди присутствующих нет.

Ну и аппетиты у всех! Едва успеваю готовить бутерброды. После еды переходим в «конференц-зал», т. е. в другую комнатку. В ней сделали из подъемного материала музейную экспозицию. Из упакованных ящиков соорудили кафедру, обтянув ее зеленой тканью. Принесли с городища средневековые кирпичи, уложили на них доски с машин и получились скамейки для аудитории.

— Начинаем очередное заседание СНАК, посвященное результатам работ других экспедиций в республиках Средней Азии, в которых этим летом принимали участие нашие ребята на положении коллекторов, — говорит председатель кружка Эдик Ртвеладзе.

Повестка дня:

1. Раскопки поселения 5-а на территории Керкидонского водохранилища в Узбекской ССР. Начальник экспедиции от Эрмитажа кандидат исторических наук Н. Г. Горбунова.

Доклад студентки II курса Дорфман Ф.

2. Зор-тепинский могильник на территории Керкидонского водохранилища в Узбекской ССР. Экспедиция Эрмитажа. Начальник отряда Т. Г. Оболдуева, сотрудник Института истории, археологии АН СССР.

Доклад студента III курса Фаситдинова К.

3. Раскопки объекта 2 на территории Кампыр-Раватского водохранилища в Киргизской ССР. Начальник экспедиции АН Киргизской ССР П. Н. Кожемяко, кандидат исторических наук, старый снаковец. Начальник отряда П. П. Гаврюшенко.

Доклад студентки IV курса Беляевой Т.

4. Итог однодневных работ XVIII отряда ЮТАКЭ на городище Хурмузфарра 3.X-1965 г.

Доклад профессора М. Е. Массона.

Выступает Дорфман Фаня. Я, как секретарь, тем временем приготовила явочный лист. Даже на выездных заседаниях нашего кружка обычно присутствуют гости. На сегодняшнем это — художник Хошгельды Шахбердыев (наш сверстник), учительница одной из школ города Мары Татьяна Сергеевна Фролушкина, а также местные жители из 3-го отделения совхоза Кара-Кум: Сафарниязов Ага (старцу 75 лет) и его сын. Мы всегда беседуем со старожилами местности, которую изучаем, расспрашиваем об археологических находках, заносим в свои дневники услышанные предания о прошлом их края. Так сегодня Михаил Евгеньевич записал легенду о Хурмузфарре, рассказанную Ага-

Бобо и охватывающую события эпохи завоевания Средней Азии арабами. Многие легенды сохраняют крупицу исторически достоверных фактов. А иногда к тому же отражают наблюдения жителей над памятниками старины. В таких случаях они представляют специальный интерес для археологов.

Началось обсуждение докладов. Оно проходит живо. Особенно стараются второкурсники. Им, чтобы стать членом СНАК, надо выступить с научным докладом и быть активными в дискуссиях. Только тогда в торжественной обстановке вручат удостоверение члена кружка, а по окончании специализации значек, изображающий жирафоподобного дракона, хватающего пастью свой хвост. Таким символом на Востоке в средние века олицетворяли бесконечность и единство. Мы переняли этот символ, трактуя его как беспредельность научных изысканий и единство в совместной исследовательской работе преподавательского состава кафедры археологии Средней Азии с молодым поколением. Выступают также старшекурсники и преподаватели. После всех слово берет профессор Михаил Евгеньевич. Он обобщает ход заседания кружка, поправляет ошибки в докладах, выделяет хорошие стороны работ. Приветствует, что студенты за время летних каникул не сидели на пляже, а работали в разных археологических экспедициях, в том числе у старших снаковцев. Слушаем его с полным вниманием. Он у нас хоть и требовательный, но справедливый и внимательный.

Подводя итоги сегодняшним работам на городище Улы-Кишман, профессор особо отметил, что мы обнаружили пять новых эпиграфических памятников в виде намогильных кирпичей с куфическими эпитафиями. Четыре из них — с кладбища Хурмузфарры, а один привезен З. И. Усмановой с городища Пашана. Самыми же важными в научном отношении, по его словам, являются находки: еще одной терракотовой фигурки Маргианской богини античного времени, парфянского халка маргианской эмиссии и сасанидской медной монеты раннего чекана времени правления Шапура II (309—380). Своей совокупностью они документально подтверждают предположение ЮТАКЭ, что на территории Хурмузфарры существовало поселение городского типа (может быть под другим названием) уже по крайней мере в позднюю пору рабовладельческой формации до начала кризиса включительно.

Солнце на закате. Мы, возбужденные после заседания, возвращаемся к машинам, а от каждого падает тень с удивительно вытянутыми пропорциями. И шагают тени-великаны от юных

познавателей прошлого по бескрайним развалинам города Хурмузфарра.

Хоть у нас и строгий профессор, но не проедешь мимо бахчи. К тому же мы странники — мусафиры. А им можно.

— Не рвите неспелые — слышим вдогонку приглушенный голос старика Ага Сафарниязова.

— Хорошо! Спасибо, отец!

Ах, какие вкусные багарные арбузы!

Поздно вечером в лагере после ужина все отчитываются за пройденный день. Кто был в маршрутах, а кто оставался в лагере. Гена Афанасьев докладывает о прочности починенного днем моста. Диля Алиева показывает планшетки с нашитыми фрагментами керамики, сделанные для одного байрамалийского школьного музея. Ребятам они будут служить учебными пособиями на уроках истории. А историю своего края они любят, поэтому и приезжают к нам на экскурсии. Сегодня в лагере о Старом Мерве рассказывала им Галина Яковлевна Дресвянская — аспирант кафедры археологии.

Кончился день. Мы передали дежурство и вышли во двор. А там небо темное-темное с мерцающими звездочками. В отдалении слышны звуки гитары. Это Гена Афанасьев и ребята ушли на соседние развалины старинных кёшков. Там мелодии нежней и они глубже воспринимаются. Мы направляемся туда же.

Вот и прошло воскресенье, но ты чувствуешь себя вполне отдохнувшей. Тебе даже хорошо, потому что то, к чему стремишься, сбывается. Сегодня познал, как надо изучать погребения, а этому помогли тебе: профессор Михаил Евгеньевич, Замира Исмаиловна и Светлана Борисовна. Они тоже снаковцы, хоть и твои преподаватели. У Михаила Евгеньевича даже членская книжка СНАК за № 1. Все трое не жалеют ни знаний, ни времени, только чтоб ты стала настоящим самостоятельным советским специалистом.

И хочется сказать им от от всей души — большое спасибо!

М. И. ФИЛАНОВИЧ

ОКТЯБРЬСКИЕ ПРАЗДНИКИ В СТАРО-МЕРВСКОМ ЛАГЕРЕ

Можно писать о Старом Мерве как о самом большом по площади заповеднике древних руин, где череда хронологически сменявших друг друга городов раскинулась на 60-ти квадратных километрах. Можно восторгаться неповторимыми по красоте восходами и закатами в его пустынной тиши, когда розовато-лиловые стены Гяур-калы приобретают загадочные и чуть-чуть зловещие очертания. Но на всю жизнь уносятся впечатления о лагерной жизни в заброшенной колхозной конюшне, впрочем чуть-чуть похожей на конюшню, а больше, стараниями ее обитателей, на строгий и величественный, как бы восставший из праха веков дворец древних властителей. Да, пожалуй, дворец, но живут в нем и царствуют Дисциплина, Свобода, Традиция, такие разные, но на самом деле диалектично слитые понятия.

Дисциплина — это строгий и разумный режим нелегкого труда археолога-раскопщика и его короткого лагерного досуга. Свобода — это, прежде всего, свобода научного поиска, творческой мысли, это легкое окрыляющее ощущение сопричастности к большой общей исследовательской работе, которое владеет в этом дворце как профессором, так и робким второкурсником. Сущность Традиции в воспитании человеческих качеств: коллективизма, гордости за свою alma mater и, главное, служения науке. Кто из вчерашних студентов, прошедших школу ютакинского лагеря, за исключением очень немногих, не унес в душе уголек с алтаря, зажженного в конюшне-дворце в честь науки, знания и человека.

Как дороги воспоминания...

По традиции подготовка к празднованию Великого Октября в лагере археологов начиналась задолго до дня годовщины. Вечерами, как всегда, тишина в столовой-музее, заполняются днев-

ники, и мерцающий свет керосиновых ламп выхватывает из темноты то сосредоточенное лицо второкурсника, постигающего «науку» вычерчивания горлышка кувшина, то двух дипломников, ведущих при помощи ручки и листа бумаги ожесточенный спор о достоинствах и недостатках метода радиокарбонного анализа. Иногда в дверях неслышно вырастает фигура нашего частого гостя и единственного близкого соседа лагеря — старика Алла-Кули. Живет он рядом в мазанке, прилепившейся к руинам раннесредневекового замка в окружении овец и собак. Целый день гоняет свое нехитрое стадо по колючкам, встречая нас, идущих на городище, широкой улыбкой беззубого рта. Его удивительно жизнерадостная физиономия с жидкой бороденкой, нечесанной и немытой, наверное, с времен гражданской войны, как и его бессменная английская шинель, составляет неотъемлемую часть старомервского колорита. Маленькая, гибкая фигурка с корявым посохом в руке, как кошка скользит за спинами сидящих в столовой, а затем пристраивается где-нибудь на краю скамейки. Ему пододвигают эмалированный чайник и кружку. Старик пьет, молчит, а затем, улучив минутку, начинает разговор о том, как он работал на раскопках еще в 1904 году у американской экспедиции Пампелли, как ходил с туркменами-аламанщиками в Иран, а затем как довелось ему не по своей воле, правда, увидеть Дашкент, Бревский и Текстрой. Традиционный рассказ известен уже всем поколениям студентов, но повторяется он каждый раз с завидной энергией и вдохновением. Если старику удается обратить на себя внимание, то следует второе отделение — он хватает кого-нибудь массой побольше и начинает демонстрировать силу и ловкость. Впрочем, утихает он быстро и, обойдя, как всегда, стенды полевого музейчика с новыми находками и поцокав языком, удаляется так же тихо, как и появился.

Но в предпраздничные дни Алла-Кули не торопится покидать лагерь. Рабочая тишина столовой прерывается раньше обычного. На конце стола, сдвинув туда большую часть ламп, начинает оживленное заседание редколлегия по выпуску праздничного номера «Археолога» и сатирического приложения к нему «Веселый щуп». Редактор бурно взывает к совести несдавших заметки, угрожая тем, что сегодня крайний срок. Местные сатирики с серьезными лицами обрабатывают тексты к «Веселому щупу» и пререкаются с художником, неверно понявшим соль этих текстов.

Середина стола занята рулонами цветной бумаги, мотками бечевки. Уютно расположившись вокруг всего этого, стайка

второкурсников режет бумагу на полоски и прямоугольнички определенного размера для праздничных цепей и флажков. Это работает комиссия декораторов, призванная придать нашей столовой как можно более праздничный вид. Кто-то по памяти рисует голубя Пикассо, кто-то вырезает цифры годовщины Октября. Флажки и цепи делаются из бумаги обязательно шести цветов. Неискушенные новички пытаются применить клей «БФ». После тщетных попыток начинаются поиски подходящего клея. Наконец, несколько человек во главе с профессором отправляются в кухню варить мучной клейстер по особому рецепту. Здесь же начинается обсуждение меню праздничного обеда. Банкетная комиссия получает от профессора сумму на шампанское и конфеты. Уточнив нужное количество продуктов, летучее заседание закрывается, а члены комиссии присоединяются к тем, кто изготовляет в столовой значки ЮТАКЭ. Эти маленькие синие ромбики с желтой каймой и указанием года полевого сезона стало традицией вручать в октябрьские дни гостям лагеря. Одевают их и все «хозяева».

Из-за дощатой перегородки с мужской половины слышен неясный шум и легкое топанье. Любопытный Алла-Кули отдергивает брезентовую занавеску, отделяющую эту часть конюшни от столовой. Здесь при свете незаконно конфискованной с общественного стола лампы началась импровизированная репетиция номеров художественной самодеятельности. Предполагалось сохранить все в тайне, и, застигнутые врасплох, «артисты» несколько смущены. Пытаясь скрыть замешательство, они шлепаются на раскладушки и перебрасываются непринужденными фразами. А один из них, дабы отвлечь «неприятеля», вытаскивает из-под кровати стеклянную банку с живой эфой и начинает ее сосредоточенно разглядывать. Маневр удался, и никто до самого дня торжества не узнает, что за пантомима разыгрывалась здесь минуту назад.

Веселое оживление и шум чуть-чуть больше дозволенного лагерным распорядком длится в эти дни и после отбоя. Мало кто внимает протяжным гулким ударам по железному рельсу во дворе. Но даже после того, как шум понемногу стихает, в столовой еще горит лампа и две-три головы склонены над листом стенной газеты...

Утро. Чистое, тихое, прохладное ноябрьское утро в Мерве. Когда, откинув брезентовый полог главного входа в конюшню, шагаешь из темноты навстречу этому утру, в тебя вливается вместе с нежными лучами солнца ощущение какой-то безотчет-

ной радости бытия и, от грядущего дня ждешь чего-то большого и значимого.

После завтрака группами по два-три человека, как муравьи по утоптанным тропинкам, расползаемся к городищам. Сегодня — последний перед праздниками раскопочный день. Группы все дальше расходятся друг от друга, то ныряя в овраги и промоины, то появляясь из зарослей колючки на лысых желтых верхушках бугров-руин. Взобравшись на двадцатиметровую высоту гряды стен Гяур-калы и идя по ней некоторое время, отчетливо замечаешь, как порыжели сады лежащего вдали лесхоза. Туркменская осень вступает в свои права. На легких белых нитях путешествуют по ветру крошечные мохнатые паучишки. Зацепится нить за одежду, и паучишка тут как тут на руке! Пробежит бочком, прыжками всю ладонь, сорвется вниз и полетел на своем паруснике дальше.

Этот день необычен. Возвращаясь с раскопов, тащим охапки пустынных «цветов» для украшения зала — поручение комиссии декораторов. Безусловно, эффектнее выглядят султан-калинцы. Им поручено добыть метелки камыша, в изобилии растущего по берегам арыка под стенами Султан-калы, и, постаравшись на славу, они появляются во дворе лагеря, как отряд рыцарей в оперенных шлемах. Гяур-калинцы выглядят скромнее, у них в руках пучки розовой и белой солянки и тамарикса. Но и их необычная ноша привлекает внимание ребятишек белуджей, недавно пришедших и обосновавшихся здесь под стенами Гяур-калы. Курчавые, черноглазые, похожие на цыганят, ребятишки бегут из поселка навстречу, кричат «издрасте», и их шумный эскорт отстает только у самых дверей лагеря, получив приглашение явиться сюда завтра. Впрочем, на завтрашнее торжественное заседание приглашены и их родители, а также шейх мавзолея Юсуфа Хамадани. Этот шейх иногда даже захаживает в лагерь и особенно любит беседовать с профессором, искренне удивляясь его познаниям в области разногласий между суннитами и шиитами и тонкостей мусульманской обрядности. Он бывал в Мекке и гордится этим. Правда, однажды был весьма смущен, когда профессор высказал сомнение в действенности его хаджа: ведь он повернулся к Мекке спиной, вылетая домой на самолете. Шейх очень просил не доводить этого сомнения до ушей и без того редких посетителей мавзолея.

Послеобеденное время в лагере занято украшением столовой. Вот когда старая конюшня поистине преображается в дворец. Между центральными опорными столбами, на которых обычно

развешены фотографии нисийских ритонов и остраков, знаменитой Радагуны, тексты намогильников из Мервского оазиса, т. е. экспонаты из истории ЮТАКЭ, сейчас натягиваются красочные цепи и флажки. На каждом столбе укрепляются еще и флажки на камышинках. Над дверью на мужскую половину красуется голубь и дата годовщины Октября. Там же, на музейных полках, где выставлены богатства, добытые при раскопках мастерских керамистов и кирпичников: стопки трехножек — сепая, поливные чираги, переносные глиняные фонари — чирагданы, посуда всех видов и форм, размещены букетики камыша, солянки, тамарикса. Такие же букеты украшают подоконники над полками вдоль стен, устроенными на глиняных лошадиных кормушках. Здесь безраздельная вотчина античников-гяуркалинцев. Суровые пирамиды круглых ядер парфянской метательной артиллерии, бронзовые наконечники стрел, рядочки терракотовых статуэток, оказывается, прекрасно сочетаются с кустиками пустынной растительности, расставленной кое-где в древних сосудах. Вершина же нашего декораторского искусства — огромный букет камыша, возвышающийся посреди обеденного стола в средневековом кувшине.

В этой общей предпраздничной суете, когда каждый щеголяет выдумкой, веселой шуткой, удачно выданным экспромтом, где нет места плохому настроению и совсем не чувствуется оторванность от «большого мира», выражена, наверное, частица той спаянности, «притертости», выработанной несколькими месяцами общей работы и лагерного быта. И есть в этом, видимо, притягательная сила. В разгар суеты забрел в лагерь Игорь Иванович Демин, как выяснилось, сотрудник мелиоративной станции, расположенной в 40 километрах от нас — в песках; забрел да и остался у нас на все праздничные дни.

К вечеру вернулся архитектурный отряд Галины Анатольевны Пугаченковой, десять дней совершавший маршрутную поездку по древним памятникам, затерянным в песках. На ближайшем полевом заседании кафедры мы узнаем результаты их работы.

Утро праздничного дня начинается по традиции на час позднее обычного. Но бодрый заливистый сигнал подъема застает уже всех на ногах. Выработанная за несколько месяцев привычка действует безотказно. Завтрак также на час позже. Дежурные отправляются помогать на кухню, где наша повариха Надежда Гафуровна только-только еще успела развести в плите огонь и, вооружившись огромным ножом, отправилась в дальний конец конюшни за мясом. Рыжий лагерный кот Шапур не

любит присутствия чужих на кухне, забыв, что он обязан жизнью нам, студентам. Когда-то, выручив его из когтей диких котов, мы приложили и привязали ему отодранный от бока огромный клок кожи. Уважает он только повариху. Вот и сейчас, выказав свое презрение суете дежурных, он удаляется с ней за мясом.

Общими усилиями завтрак в украшенной столовой подан вовремя и проходит оживленно. Усиленный наряд дежурных в этот день быстро убирает посуду и с отрепетированной быстротой превращает обеденный стол в три параллельных ряда столов аудитории. На председательском месте также появляется стол, а рядом с ним сооружается из ящиков с помощью профессорского бордового одеяла и французских булавок удобная кафедра. Столовая преображается в зал заседаний. На каждом столе вырастает кувшин с цветами, флажки украшают столы и кафедру. Пока происходят эти превращения, мы все принимаем гостей. Сбежались ребятишки-белуджи, пришел неизменный Алла-Кули. Осмотрев музейчик и получив по конфете, ребятишки толпятся у входа, сверкают глазенками, то и дело повторяя: Кино будет? Кино будет? Пришли и несколько человек их родителей — председатель и члены правления только что созданного на высохшей, но ныне орошенной водами Туркменского канала, земле колхоза. Этим людям, еще мало привыкшим к оседлому земледельческому труду, предстоит разводить на вновь освоенных землях хлопок. Будущие годы показали, что справились они с этой задачей с честью. Чернобородые белуджи входили в наш зал заседаний, осматривали находки, слушали объяснение, кивали головами и дивились тому, что можно сделать из старой полуразрушенной конюшни. Им самим предстояло построить дома, отремонтировать школу, и потому на все они смотрели с практической точки зрения. Они были здесь в роли целинников и, кроме того, должны были преодолеть кочевнические привычки. Присутствие их на нашем заседании в честь годовщины Октября было в некотором роде символическим. Им, как почетным гостям, раздали значки ЮТАКЭ. Как всегда, вступительное слово на заседании берет профессор. Речь идет об итогах работ ЮТАКЭ, о наших успехах, о личном его участии в Октябрьской революции. Затем каждый автор зачитывает свою заметку в стенгазете. Статьи все итоговые, отчетные. Это есть наши, пусть маленькие, достижения, которыми мы встречаем Великий Октябрь. О планах своего нового колхоза и их выполнении говорят и белуджи. Затем профессор зачитывает поздравительные телеграммы и письма в адрес

мервского отряда ЮТАКЭ. Их много, они из разных концов страны.

Заседание закрыто. Знакомые манипуляции, проделанные лишь в обратном порядке, возвращают залу заседаний облик столовой, а некоторые декоративные детали, как кувшины с цветами, вырезанные из бумаги салфетки, самодельные солонки и коробочки, шампанское на столе — придают ей оттенок парадного «банкетного зала». Праздничный обед начинается обычно чинно: повариха блещет своим искусством; дежурные разносят великолепный куриный суп. После традиционных трех тостов, инициатива произнесения которых всегда за профессором: за коллектив ЮТАКЭ, за Советскую науку, за Родину, — даже сидящие в конце стола младшекурсники невольно подтягиваются и чувствуют себя равными участниками общего большого и важного дела здесь в оторванном, казалось бы, от «большой земли» мирке.

Дневной отдых пролетает быстро: шахматные баталии, экскурсии на городища за подъемным материалом, разучивание новых песен. Кто-то сочиняет письмо домой, а не в меру усердные пристраиваются с кругом и грудой черепков — чертить керамику (вдруг не успею, ведь на днях закрытие раскопок).

Когда солнце, обойдя все мервские развалины, начинает склоняться к зубчатым стенам Султан-калы, все опять собираются в столовой. Согласно распорядку дня, в 6 часов — вечерний праздничный чай. Пока дежурные вносят чайники и расставляют тарелки с горячими поджаристыми пирожками и оладьями, остальные обступают удачливых охотников за «подъемкой». Трофеи переходят из рук в руки, прежде чем занять место на музейных полках. Начавшееся обсуждение находок прервано появлением профессора, но, впрочем, не надолго, оно продолжается за столом. Да, поход на этот раз оказался удачным: терракотовые статуэтки, раковины-украшения, бусины, подвески, монеты, геммы. Особенно повезло тем, кто обходя Султан-калу, навестил меджауршу мавзолея Ахмада Замчи. Эта пожилая женщина часто отдает археологам свои сборы с указанием, конечно, места находки — результат многодневных обходов мервских городищ, и часто среди них есть новые и на редкость интересные экспонаты.

Все сидящие за столом принесли свои записные книжки. Сегодня не раскопочный день и обычных ежевечерних докладов начальников площадок не будет, но каждый старается отметить подъемные находки у себя, кое-кто набрасывает рисунок, запи-

сывает датировку, комментарий профессора. Уж так заведено в нашем старомервском лагере — процесс познания не прерывается здесь ни при каких обстоятельствах. Находка каждого — достояние всех. И нельзя не отметить, что из таких вот сообщений за обеденным столом, из разъяснений профессора, которые порой превращаются в живую и увлекательную лекцию, складывается у нас — студентов главное представление о Старом Мерве и не только о его археологии и истории, но его геологии, природе, климате, орошении, этнографии и о многом, многом другом, о чем подчас негде прочитать. Вот и сейчас, держа в руках «грушу» жука скарабея, доставленную каким-то недоумевающим младшекурсником, профессор говорит о роли биологических признаков при археологическом определении культурного слоя. Старшие студенты давно уже бойко оперируют этими квартирами жуков scarabeus sacer при выявлении периодов запустения в раскопе, а карандаши младшекурсников так и бегают по бумаге. Оказывается, по методам работы археология очень близка криминалистике. Для выявления истины здесь в почете только факты, порой косвенные, но так много говорящие. И в душе ребят и девушек растет гордость за правильность выбора своей профессии.

Но... За окнами гаснут последние краски заката и на столе уже появились наши неизменные керосиновые лампы. Отложены записные книжки. Время открывать вечер художественной самодеятельности. Как-то сама собой в лагере установилась традиция: участвовать в концерте обязаны все — и хозяева, и гости, независимо от возраста и ранга. Встречают артистов одинаково восторженно и хлопают одинаково бурно. От этой шутливой повинности уклоняется лишь Надежда Гафуровна под предлогом неотложных дел на кухне да завхоз, которому всегда в это время оказывается нужным выдавать продукты на завтра. Открывают концерт сидящие слева от профессора. Вот прозвучали проникновенные, слегка меланхоличные стихи Пушкина, и несколько мгновений тишины, последовавших за ними, показывают, как могут быть уместны в наше время неувядающие строки великого поэта. После первых аплодисментов небольшая заминка. Слышны возгласы: «Абдул Хусейнович, Ваша очередь! Абдул Хусейнович, не увиливайте!» Старый наш ютакинский хозяйственник и кассир, который любит проводить праздники в старомервском лагере, поняв, что отказаться невозможно, просит отсрочки. Дальше идет все гладко. Сольные песни на разных языках сменяют забавные частушки. Стихи Есенина,

Маяковского, Бернса, Шелли перемежаются вокальными дуэтами и квартетами. Строки безвестных студенческих поэтов соседствуют с прочувствованными речитативами Окуджавы. Профессорский стул отодвигается в сторону и здесь перед занавеской на мужскую половину на импровизированной сцене выступают танцоры. Вот в таких концертах наш интернациональный коллектив, кажется, светится всеми своими красками. Исполнители душу вкладывают в номера: узбекские, таджикские, еврейские, русские танцы сменяют друг друга. Но помнится, больше всего поразил нас как-то македонский танец своей плавностью, новизной и главное какой-то особой истовой серьезностью, с которой исполняли его два наших товарища, греческие коммунисты-политэмигранты.

Но нашей столовой предстоит выступить еще и в роли арены. Объявляют бой быков. Так вот какую репетицию прервал день тому назад не в меру любопытный Алла-Кули! Все, затаив дыхание, смотрят на занавеску в мужскую половину. Звучит мелодия Бизе, исполняемая на губах, и из-под занавески, «выезжает» бравый пикадор, коренастый, с рыжей бородой, в котором все узнают одного из дипломников. С торжественной миной на лице он объезжает легким галопом арену. Затем вылетает и тупо останавливается посредине бык, которого изображает легкий поджарый второкурсник. Покрутившись на месте, он нападает на пикадора. Минуту спустя на месте конного пикадора оказывается тореро. Он царственно появляется из-за занавески, очаровательно улыбаясь трибунам. Это все тот же рыжебородый дипломник. На арене разыгрывается жаркая и изящная схватка. Бык нападает, но обманутый тореадором, ударяет рогами в воображаемый плащ; тореро, комичнейшим образом дразня быка, падает перед ним на колени, изгибает стан и, наконец, артистично закалывает его под аплодисменты и хохот присутствующих.

Мало-помалу участников остается все меньше, и все вспоминают об отсрочке Абдул Хусейновича. Да он и не думает отказываться и нараспев начинает декламировать стихи средневековых персидских поэтов. Закончив одно четверостишие, он начинает другое, третье и вот здесь сейчас (это почувствовал каждый из присутствующих и потому наступила под гулкими сводами конюшни гробовая тишина) у всех на глазах произошла сказочная метаморфоза. Взоры впились в старческое морщинистое лицо с крупным свисающим вниз носом и полуприкрытыми глазами. Полные коричневые губы с непередаваемым

наслаждением модулируют сочные фразы фарси; дребезжащий голос крепнет и повышается. И вот перед нами уже не старый ютакинский кассир, всем хорошо известный вежливый и корректный Абдул Хусейнович, а таинственный зороастрийский маг, творящий свои волшебные заклинания. И сила этих заклинаний была столь велика, что раздвинулись своды нашей конюшни-дворца и в туманной дали чудится нам то звон колокольчиков каравана, входящего в ворота пестрого восточного города, то звуки веселого запретного пира в мервском саду среди фонтанов и роз, где Омар Хайям читал свои крамольные рубаи, то стоны ная у высокой стены сераля где-нибудь в Ширазе или Исфагане. Голос смолк, и когда, наконец, сошло наваждение, тишина раскололась громом рукоплесканий. Абдул Хусейнович сидел взволнованный и смущенный. Да, трудно забыть, каким волшебным образом нам довелось почувствовать силу и красоту персидского языка. Чтобы порадовать старика, мы после этого приветствовали его по утрам не иначе как — «сабхе шумо бехеир». Глаза его лучились, и в ответе опять была слышна музыка того памятного вечера. То был последний сезон с Абдул Хусейновичем. Через два года мы узнали печальную весть: его больше не было в живых...

Программа нашего концерта, однако, еще не завершилась. С восторгом мы встретили гимн археологов, в тот сезон сочиненный Галиной Анатольевной и зачитанный ею на концерте. Понравились и куплеты, пронизанные веселой романтикой, и размеренный ритм припева, который, казалось, так и просился на нотные строчки. Как жалели мы, что не было среди нас композитора, но я уверена, у всех в душе был собственный мотив. Текст поместили в стенгазету, а на следующий день распевали его каждый на свой лад.

Как всегда, концерт заканчивался хоровым пением. В этот вечер пели и старые революционные песни. «Славное море, священный Байкал» — выводил густой профессорский бас и затем тонул в хоре более высоких голосов. В обычной нашей программе и песни шуточные, и лирические, на русском, узбекском, греческом языках. Так что программа исчерпывается далеко после того часа, когда верный своим обязанностям дежурный неуверенно отбивает сигнал ко сну.

Второй день праздника также будет насыщенным. Утром научное заседание кафедры, затем увлекательная экскурсия к парфянской пограничной крепости Чильбурдж. Надо успеть отдохнуть...

...Как дороги воспоминания.

Один известный советский ученый-археолог назвал как-то нас, выпускников кафедры САГУ, «птенцы гнезда Массона». Да, многие, покинувшие ютакинский лагерь, помнят как уютно и дружно было им в этом гнезде.

Л. И. ЖУКОВА

ЮТАКЭ И СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК (СНАК)

«СНАК роется» в очень древних делах человечества, но это делается так, что на археологической работе воспитывается строитель современной жизни, формируется отряд зодчих коммунистического общества».

Н. П. Архангельский

(Из выступления на XXI студенческой научной конференции ТашГУ им. В. И. Ленина).

Я читаю бисерную надпись на свежем оттиске: «Моей ученице, ютакинке и снаковке от учителя. . .»

Ученица, ютакинка, снаковка. . . как будто все было вчера. Годы идут, но впечатления студенческих лет не гаснут: настолько они сильные и яркие. И всегда кажется, что на кафедре археологии Средней Азии в Ташкенте я училась не пять лет, а вдвое больше.

Университетские годы в формировании научного и общественного мировоззрения студентов явились целой эпохой: здесь мы не только постигали исторические науки и приобщались к научно-исследовательской работе, но, познавая дух организованного коллектива, учились коллективно работать.

Специализируясь на кафедре археологии, мы слушали лекции и просматривали горы литературы, штудировали конспекты и писали курсовые работы, проводили научные конференции и организовывали экскурсии и диспуты, выпускали рукописный юмористический журнал и стенную газету, ездили в маршрутные экспедиции и работали на стационарных раскопах, активно проводили каникулы, но мало задумывались над принципами нашего обучения и тем более воспитания. Покинув стены ка-

федры, мы влились в новые коллективы. Многим из нас на первых порах было трудно, вернее, мы слишком тосковали по своей Alma mâter. Добрые чувства к ней остались навсегда.

Большинство воспитанников кафедры имеют уже своих учеников, но все равно приходят с вопросами и сомнениями, а то и просто разделить радость со своими наставниками. И в этом общении, в единстве взглядов при подходе к науке стирается грань в званиях и возрастах.

На чествование 70-летия нашего учителя Михаила Евгеньевича Массона пришли и съехались из разных республик почти все его активно работающие ученики. Потом, расходясь после творческого заседания, один из нас признался: «А все-таки как чувствуется, что все мы являемся питомцами одной большой научной школы и как будто бы мы все сродни друг другу...»

* * *

Молодая смена археологов готовилась на кафедре, проверялась в СНАКе и закалялась в ЮТАКЭ. Все три творческих коллектива по всем вопросам всегда выступали спаянно и дружно, созвучно времени, потому что цель их всегда едина: честно служить советской науке, воспитывать новое поколение специалистов с высокими нравственными и гражданскими качествами, с коммунистическим мировоззрением. Истоки биографий этих коллективов восходят к старейшему из них — кафедре археологии Средней Азии, основанной более тридцати лет тому назад — в 1939 году. В ноябре 1940 года при кафедре уже был создан студенческий научно-исследовательский археологический кружок — СНАК. С самых первых дней руководителем его стал профессор М. Е. Массон. «Задача руководителя научной работы молодежи с одной стороны интересна и благородна, — писал академик К. И. Скрябин, — успех может быть достигнут только тогда, когда учитель сумеет привить своему подопечному вкус, интерес к научному творчеству, приучить к самостоятельному труду». М. Е. Массон на протяжении 29 лет с большой ответственностью относился к возложенной на него почетной и трудной задаче.

Теперь, спустя много лет, мысленно анализируя деятельность кафедры, СНАКа и ЮТАКЭ, трудно найти какие-нибудь особые секреты научно-воспитательного подхода к студенчеству. По существу единый организм — кафедра, СНАК и ЮТАКЭ свято сохраняли принцип коллективной работы, при котором один опытный руководитель держит в руках нити труда научных ра-

ботников, объединенных общей идеей. Это явилось определяющим направлением в стиле работы с будущими кадрами. Педагогические методы воздействия на студентов были простыми, но мудрыми: вместо голых дидактических заповедей ставился личный пример самих наставников, а научная работа строилась на преемственности поколений, воспитание опиралось на поддержание старых и создание новых традиций в коллективе.

Но и при соблюдении даже всех принципов учебно-воспитательной работы нельзя достичь успехов, если учителя будут равнодушны к науке, в мир которой им доверено вводить молодежь.

Археология — конечно одна из самых романтичных наук!

Настоящими археологами могут быть только люди глубоко увлеченные и обладающие особой творческой фантазией. По больше всех увлечены ею должны быть те, кто руководит научной работой молодежи. Михаил Евгеньевич Массон сам безгранично влюблен в археологию, иначе вряд ли мог бы совершить такой взлет в науке, посвятить ей всю жизнь. И чувством этим он окрыляет подопечных. Невозможно пользоваться авторитетом у людей, а у такого требовательного народа, как студенты — в особенности, если слова твоих наставников расходятся с делом. Главное в науке, как и в жизни — умение работать. Говорят же: жизнь и труд — это одно понятие. И все-таки самый добросовестный научный работник отличается от прирожденного ученого, может быть, в первую очередь, постоянным отождествлением жизни с творчеством. Пуст день, прожитый без лаборатории, без эксперимента, без рукописи, без размышлений о завтрашнем научном поиске. Гармония труда и вдохновения была свойственна по природе и нашему педагогу Михаилу Евгеньевичу. Завидным творческим энтузиазмом и трудолюбием отличались наши преподаватели и сотрудники ЮТАКЭ. Студенты часто бывали дома у своих наставников. Рабочая обстановка царила и здесь. И нам показалось бы странным, если придя к своему профессору, мы не нашли бы его работающим у себя в кабинете. На письменном столе всегда порядок. Книги его громадной библиотеки, на которую мы всегда смотрели с доброй завистью, расставлены по систематическому предметному принципу. Эта библиотека к услугам каждого. И любую книгу профессор находит тотчас. Учитель щедро консультирует тебя по любому вопросу, знакомит с литературными новинками по археологии, отечественных и зарубежных изданий, рассказывает об успехах своих воспитанников.

Они пишут учителю со всех концов страны. Михаил Евгеньевич выделяет свое рабочее время и для беседы по личным вопросам. Впрочем, жизнь настоящего педагога всегда принадлежит его ученикам.

Дружественный домашний прием и научные консультации оказывали и оказывают нам и Галина Анатольевна Пугаченкова, и Светлана Борисовна Лунина, и Георгий Николаевич Чабров, и Анна Сергеевна Морозова и многие другие. Анне Сергеевне — старшему этнографу Средней Азии теперь более семидесяти. Это тот возраст, когда человек уже познал истинное назначение жизни. Мы все глубоко уважаем этого большого знатока быта и культуры народов Востока, знаем ее трудолюбие. Но настоящим откровением для нас явилось признание А. С. Морозовой на своем юбилее: «Всю жизнь я любила труд и каждодневно с большим удовольствием работала. Несомненно, в жизни для полного счастья большую роль играет и любовь, и материнство, и многое другое. Но все может уйти за исключением плодов твоего труда». Мы преклонялись перед бескорыстным служением науке Марии Ивановны Моложатовой, в течение многих лет собиравшей уникальные произведения искусства Дальнего Востока, которые она безвозмездно передала в фонды музеев нашей страны. Мария Ивановна читала нашему выпуску, состоящему всего из двух человек, скромный по количеству часов спецкурс, но удивительно содержательный и оригинальный. Многие лекции М. И. Моложатовой проводились ею в Государственном музее искусств Узбекистана.

Помимо чисто деловых общений, у студентов со своими наставниками завязывались дружественные беседы на самые различные темы. Постоянное общение с молодежью в непринужденной обстановке — одна из воспитательных форм воздействия преподавателей на своих питомцев. И все же самая тесная атмосфера общения между членами кафедры и снаковцами завязывалась в экспедициях, где преподаватели были на «виду» у молодежи все 24 часа в сутки. Здесь рождалась та особая дружба, которая не уменьшала, а увеличивала взаимную требовательность.

Вот уже на протяжении более четверти века, начиная с 1946 года, студенты-снаковцы выезжают в Туркменскую ССР, где сочетают археологическую практику с непосредственным участием в работах ЮТАКЭ. Практика начинается после первого курса. В поле студенты учатся методам археологического наблюдения и изучения материальной культуры, овладевают техникой обработки материала и тем самым глубже знакомятся

с будущей профессией. Здесь у практикантов, помимо чисто профессиональных навыков, вырабатываются черты, необходимые каждому исследователю: умение наблюдать и обобщать факты, самостоятельность в работе, научная честность и ряд других качеств. Но самое главное — экспедиция помогает юношам и девушкам проверить свое призвание.

Сентябрь. Студенты-археологи в который раз забегают на свою кафедру. Когда же появится заветное объявление об отъезде в Старый Мерв? Первые «ласточки» (несколько старшекурсников и ребят младших курсов) уже уехали в Байрам-Али оборудовать под базисный лагерь XVIII отряда ЮТАКЭ помещение заброшенной конюшни. Ответственность большая. Опыт организации лагеря, как и другие хозяйственные навыки, вплоть до варки клейстера, ежегодно передавались от курса к курсу. И все-таки бывали разные неожиданности, которые приходилось решать самостоятельно.

Наконец, на дверях 40-й аудитории появляется записка:

«СТУДЕНТЫ, ПРОХОДЯЩИЕ ПОЛЕВУЮ ПРАКТИКУ В СТАРОМ МЕРВЕ, ВЫЕЗЖАЮТ ——— СЕНТЯБРЯ.
СБОР НА ВОКЗАЛЕ В 13 ЧАСОВ.
КОМАНДИРОВОЧНЫЕ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В КАССЕ ПОСЛЕ ДВУХ».

С этой минуты все мысли у всех студентов там — в поле. Дипломанты в который раз проверяют и дополняют вопросники по своим темам, просматривают научную литературу: фактически они будут копать самостоятельно уже на положении археолога — начальника раскопочной площадки. Новички бегают по магазинам в поисках спецпринадлежностей полевика, которые верно будут служить им много лет и даже после окончания университета. И год от года их «магическое» действие будет возрастать.

Уже сейчас маститые практиканты знакомят тебя с неписаными правилами и традициями ютакинцев. Не забудь сделать «археологический крест» — резинку и карандаш на веревочке, чтобы они в процессе полевой работы всегда висели на шее. Захватите песенники! Ютакинки договариваются взять красные кофточки в белый горошек, которые однажды купили в Байрам-Али: на ноябрьские праздники решено выступить в них при исполнении номеров самодеятельности.

Последние минуты перед отправлением поезда Ташкент — Красноводск. Смех, шутки, песни и обязательно воспоминания всяких курьезов из жизни Старомервского лагеря. Ловишь любопытные взгляды прохожих на экзотичном костюме нашего профессора и на чуть восхищенных радостным возбужденным настроением парней и девчат. Нас провожают родные, друзья и коллеги по будущей профессии.

Теперь мы — одна большая сплоченная семья, впереди увлекательный мир открытий. Ответственный по эшелону (обычно один из дипломантов) дает нам различные наставления. Наконец, все разместились и угомонились. Руководитель группы в сопровождении нескольких ютакинцев идет к начальнику экспедиции с докладом о положении дел «в эшелоне». И в который раз, а новичков в особенности, удивляет, когда застаем профессора уже за работой в импровизированном купе-кабинете. Начинается беседа. Сначала разговор обо всем. Постепенно перестраиваемся на воспитание привычки с максимальной пользой для себя постоянно наблюдать, в том числе и из окна поезда, отмечать различные географические и этнографические детали. Археологу нужно знать все! И нас учили испытывать жажду постоянно познавать.

Мы твердо уверены в том, что один из главных залогов успеха любой экспедиции — дисциплина. Она особенно нужна в экспедициях, работающих в малонаселенных районах, где любой беспорядок, отклонение от дисциплины может закончиться трагично. И опять требование соблюдения всех правил основывалось прежде всего на личном примере руководителя и научных сотрудников. В Старомервском лагере строго соблюдался один и тот же распорядок дня, одинаковый абсолютно для всех. И лишь старший персонал мог заниматься обработкой полевых материалов и после отбоя.

Строгое соблюдение режима создавало возможности ютакинцам полноценно заполнить весь рабочий день. Мне запомнился один случай. Завтрак начинался всегда в 7 часов, за исключением воскресенья, когда устраивался на час позже. Обо всех собраниях коллектива по традиции сообщал сигнал 40 ударами металлического стержня о подвязанный кусок рельса. Не проходило и минуты, как все собирались за столом, захватив при этом блокнот и карандаш. Во время утреннего чаепития профессор уточнял дневные задания по каждой раскопочной площадке и сообщал определения надписей на сосудах, чтение монетных знаков, назначение отдельных находок текущего полевого сезона, разгаданных этим утром. Михаил Евгеньевич

вставал в 5 часов утра. В предрассветной тишине ему работалось, по его словам, особенно плодотворно. Руководитель выходил к завтраку на пять минут позже других членов экспедиции. В ответ на приветствие ютакинцев вставанием, профессор обращался ко всем со словами: «Доброе утро, Старомервский лагерь!» Как-то раз, 9-го ноября 1959 года старшая повариха уехала в город, и нам пришлось готовить кушанье самим. Не имея опыта в растопке печи, мы сварили кашу на полчаса позже. На наше приветствие профессор сухо ответил: «Добрый день». Рабочий день был выбит из привычной колеи.

Но и сам М. Е. Массон однажды оказался нарушителем лагерного распорядка. Это случилось в выходной ноябрьский день. Праздничный вечер прошел весело. Был организован концерт художественной самодеятельности, в котором участвовали абсолютно все ютакинцы. Пели имеющие голоса и безголосые. Так, пожилой архитектор А. Н. Виноградов с большим чувством исполнил старинный романс, Замира Исмаиловна и Ефим Пругер *дуэтом спели современную песню «Сядь со мною рядом».* А сколько было смеха и шуток, когда премировали участников. В заключение пили чай с французскими конфетами, которыми угостил нас Михаил Евгеньевич. Под впечатлением вечера он вспомнил эпизоды из своей студенческой жизни, о встречах с известными артистами. А потом стал декламировать лирические произведения различных древних римских поэтов на латинском языке и в русском переводе. Читал много и с большим пафосом. Мы даже разинули рты от удивления: перед нами был не профессор с красивыми посеребренными волосами, а молодой актер. Готовились ко сну молча. Каждый думал о своем. Часы показывали половину одиннадцатого. А по лагерному расписанию отбой-то в 22 часа! Однако это мало кто заметил.

Заседания кафедры и СНАКа всегда чередовались. В поле они проходили по воскресеньям и начинались в 10 часов. В Ташкенте они традиционно устраивались по пятницам в половине седьмого вечера. Научные заседания никогда не откладывались. В случае отсутствия по каким-либо причинам докладчика, повестка дня срочно заменялась (всегда были запасные доклады и сообщения). И даже в памятное 26 апреля 1966 года — день резрушительного ташкентского землетрясения не сорвалось очередное заседание Студенческой научной конференции. Во время повторных толчков, когда стены колебались и раздавался подземный гул, паники не было вовсе, все оставались на своих местах, и лишь легкий испуг читался в глазах снаковцев и гостей. Все доклады были внимательно заслушаны

и обсуждены. И больше того, руководитель кружка выступил перед аудиторией с краткой справкой об истории землетрясений в Средней Азии. Каждый полевой сезон практиковались и выездные научные заседания ютакинцев.

И все-таки, главное внимание преподаватели заостряли не столько на соблюдении дисциплины, сколько на выработке у молодежи аккуратности и опрятности. Аккуратность требовалась во всем: в посещении и приходе на лекции, в содержании аудитории и раскопочных площадок, полевого и лагерного музеев, места отдыха и работы в экспедиционном помещении. И первое, что мы просили у завхоза — это веники и щетки. Последнее нашло отражение даже в сатирических куплетах, которые мы исполняли как-то на праздничном концерте.

«На раскопе нашем мрачные дела:
Нет ножа и щетки у меня в руках.
Если б с ними Федя встречу повторил —
Может, в этот вечер я бы не грустил».

Работы на объектах всегда начинались с уборки. На чистых раскопочных площадках легче улавливались малейшие тонкости в структуре слоев земли, выявлялись уровни полов, сырцовые стенки и швы проемов, читался план помещений и многие другие детали. Аккуратность помогала нам собраться с мыслями, сосредоточиться на главном, поддерживала оптимистическое настроение. Аккуратность и точность требовались и в ведении полевого дневика, и в камеральной обработке собранного материала. Сегодня ты что-то не записал — понадеялся на свою память или отложил на завтра — и вот забыл. А ведь выводы складываются зачастую из незначительных на первый взгляд фактов. Иногда применялись небольшие «педагогические хитрости». Свою первую практику мне посчастливилось проходить на одном из самых величественных памятников Старого Мерва — Эрк-кале под непосредственным руководством З. И. Усмановой. Руководитель подробно объяснила мне, как нужно вести полевые дневниковые записи, регулярно проверяла их, напоминая при этом, что они будут являться основным документирующим материалом при составлении отчета. Все это заставляло меня с большой ответственностью относиться к своим обязанностям. Я и не подозревала тогда, что Замира Исмаиловна вела свои подробные записи и, конечно, не полагалась на «зеленого» практиканта. Другой пример. Мы обедали и работали за одним большим столом, составленным из нескольких малых и покрытым общей клеенкой. Как-то за

ужином, отчитываясь о своей работе, проделанной за день, профессор заметил, что ему пришлось затратить около часа на выведение чернильных пятен на этой застилавшей общий стол клеенке и при этом израсходовать половину флакона одеколона. Обычно подобные замечания о неряшливости относились к новеньким, а старшекурсники привыкли испачканное место сразу вычищать сами.

В XVIII отряде проводились дружеские соревнования на лучшее содержание раскопочных площадок и раскопочных музеев. В 1960—62 годы на самом опрятном раскопе, учитывая, конечно, и его научное изучение, накануне ноябрьского праздника водружалась на древке эмблема ЮТАКЭ. В последующие годы в этом соревновании трудно было выделить лучшего — настолько все старались, и поэтому решено было эмблему никому не вручать.

В лагере постоянно устраивались рейды комиссии по проверке санитарного состояния мужской и женской половин — спален. Как правило, в опрятности всегда отличались ютакинки. Вокруг лагеря на несколько километров простирались незаселенные места, но мы никогда не устраивали свалок и не загрязняли пустыри. Для хозяйственных отходов отводилось особое место, а около входа в помещение устанавливались самодельные урны. Если окурки или бумажки валялись вокруг последних — профессор нередко поднимал их сам. Ребята краснели. Так постепенно изживались дурные привычки. Между прочим, Михаил Евгеньевич много раз беседовал с «заядлыми» курильщиками о бессмысленности курения. Такие студенты перед тем, как идти в кабинет для делового разговора, во избежание никотинного запаха, старались курить меньше. Бывали случаи, когда беседы по этой причине даже откладывались. Некоторые же ютакинцы бросали курение на всю жизнь. Опрятный, подтянутый внешний вид научного состава экспедиции также благотворно действовал на молодежь. И у нас почти никогда не было «бородачей».

Научный рост студентов строился на постепенном преодолении трудностей. Новички назначались младшими коллекторами на раскопочных площадках, начальниками которых являлись товарищи-старшекурсники. Преподаватели вели научное руководство нескольких раскопов, причем никогда не довлея над нашими выводами и датировками, а очень осторожно, безболезненно направляя ход мыслей по правильному руслу. Студенты-начальники раскопочных площадок представляли свои отчеты в конце полевого сезона научным руководителям.

Обычно часть материала, полученного во время раскопок, ложилась в основу курсовых работ, темы которых с переходом на следующий курс постепенно усложнялись. Зачастую курсовые сочинения впоследствии являлись частью дипломных. На первых порах от студентов требовалось тщательное описание материала и его графическое исполнение, составление карточек и датировка на основании приведенных аналогий. Эти требования предъявлялись и к старшекурсникам, и к дипломникам. Лучшие работы заслушивались на заседаниях кафедры. По своему характеру они являлись уже небольшими научными исследованиями. Некоторые студенческие работы публиковались в «Трудах ЮТАКЭ» и в других научных изданиях.

Коллективно работать в экспедиции значит не только работать вместе, бок о бок, но прежде всего во всеуслышание обмениваться новыми научными данными, материалами и соображениями, полученными в ходе раскопок и различных археологических обследований.

Вся система научной деятельности ЮТАКЭ построена так, что каждый член экспедиции ежедневно в курсе всех новых открытий и находок ее членов. Ежедневно, за ужином, а в субботу и воскресенье в обед, когда за одним столом собирался весь коллектив, он заслушивал подробные отчеты о работе на каждой раскопочной площадке. Одновременно с отчетами пропускались по рукам наиболее интересные и поучительные находки. Подводя итоги, руководитель экспедиции всегда отмечал лучший раскоп на текущий день. Почти всегда у нас были «именинники», которым на своих объектах удавалось путем тщательных наблюдений выявить какие-то новые факты, сделать интересные находки или подтвердить ранее высказанные предположения. Иногда это была просто профессиональная удача, но в основном — плод кропотливого, каждодневного труда. Таким «именинникам» по ютакинской традиции все дружно хлопали. И это было лучшей наградой для них. Обычно за полевой сезон каждому из нас аплодировали по нескольку раз, а мы в свою очередь старались отличиться вновь. Нас учили вырабатывать профессиональную наблюдательность не только на рабочих площадках, но всюду: по дороге на раскоп и обратно, во время случайных поездок и каникулярных путешествий. Зоркости некоторых ютакинцев можно было просто позавидовать. Так однажды моему сверстнику посчастливилось заметить на поверхности такыра, под налетом песка золотую мусульманскую монету. Из всех отчетов в моей памяти особенно запечатлелся отчет одного дня работы на раскопе буддийского

ступа (Р-9) в 1962 году. Это произошло в середине октября. Как всегда, за ужином проходило подведение итогов на объектах за день, обмен гипотезами и соображениями. Наступила очередь отчитываться Р-9. Руководитель раскопочной площадки — московский археолог-стажер Геннадий Кошеленко начал докладывать, заметно волнуясь. В это время участники его раскопочной группы — дипломант Г. Дадабаев и коллектор Л. Букинич встали из-за стола и, вопреки правилам экспедиции (во время отчетов самовольно не выходить из-за стола), вышли и бережно принесли какой-то большой, окутанный бумагой, предмет. И вдруг, перед профессором оказалась громадная керамическая ваза изящной формы, с прекрасно сохранившейся яркой многоцветной росписью, изображающая картины жизни дехкана до самой смерти. По сопровождающему археологическому материалу и медной монете, обнаруженной под ручкой вазы, установили ее возраст — 1500 лет! Но насыщенность и свежесть красок такова, как-будто только сейчас кисть художника коснулась вазы. Однако самый главный сюрприз таился все-таки внутри сосуда, который полностью был заполнен какими-то предметами, сверху припорошенными землей. Профессор сразу высказал догадку о ее содержимом: «Рукописи!» И это действительно оказалось так. На осторожно извлеченных кусочках глины отпечатались следы знаков индийского письма. И как не соблазнительно было узнать уже сейчас, что же таит в себе ваза, произвести вскрытие ее содержимого в полевых условиях было бы просто непростительным любопытством, так как всякая спешка в археологии может оказаться губительной для памятника.

И долго еще ютакинцы восторгались сенсационной находкой и высказывали различные суждения, а потом очень бурно (до боли в ладонях) аплодировали. И только тогда мы заметили, как празднично одета вся группа археологов Р-9 и как пылают румянцем их счастливые лица. С того дня мы всегда с нетерпением ждали отчета «именинников» полевого сезона. Ведь открытие первых для Туркмении буддийских культовых памятников — успех не только группы археологов, работающих на Р-9, но и успех всего коллектива. Вместе с открытиями появились и заботы, которые, несмотря на все трудности, не казались обременительными. Связаны они были с транспортировкой вазы и обнаруженной здесь же громадной головы Будды из раскрашенной глины. По-видимому, гигантское изображение сидящего Будды в IV—V столетии нашей эры украшало культовое здание, но потом, после разгрома ступы в смутные неспокойные

времена, голова статуи была замурована в соседнем помещении у лестницы для спасения от кощунства иноверцев. Несколько дней думали, как изготовить для вазы специальный ящик, чтобы без повреждений вывезти уникальную находку. Сложнее оказалось извлечь из раскопа голову крупной глиняной статуи Будды. Ее необходимо было надежно пропитать закрепительными составами. Байрам-Али — сравнительно небольшой городок, и закупить все необходимые материалы оказалось непростым делом. Но нас выручили друзья ЮТАКЭ, которых в городе за 20 лет появилось немало. В частности, гипс нам выделила байрамалийская городская аптека, коллектив которой ЮТАКЭ ежегодно проводила по раскопочным площадкам и по лагерному музею.

На раскопочной площадке у ступа было установлено постоянное дежурство до наступления темноты из числа участников отряда. Поскольку вызванные из Москвы консерваторы не могли приехать, профессор сам с помощью своих сотрудников принялся за закрепление и препарировку глиняной пустотелой головы статуи Будды, сделанной без твердого каркаса и сильно растрескавшейся в древности при падении. После того ее обложили ватой и плотно забинтовали. Затем, подведя под нее специально изготовленный ящик со съемными досками на дне, постепенно «оторвали» ее от места раскопа. Наконец усилиями одиннадцати человек на руках подняли голову из раскопа, с передышками донесли ее до грузовой экспедиционной машины, подняли на нее и тихим ходом благополучно доставили на временное хранение в байрамалийскую школу № 3.

Так спасеньем необычайной находки была проверена сплоченность, находчивость и организованность ютакинского коллектива, с честью выдержавшего нелегкое испытание.

Как в семьях существуют свои родословные, так и в науке имеется своя преемственность, и нарушение ее накладывает отпечаток на стиль работы ученых.

Нам повезло. Михаил Евгеньевич связывает нас с лучшими представителями дореволюционной интеллигенции, с пионерами советского востоковедения. Отечественная методика археологического изучения среднеазиатских памятников взяла за основу лучшее из опыта первоисследователей. Начало археологического изучения Средней Азии положили более 100 лет тому назад энтузиасты-ученые Петербурга и Москвы и местные краеведы-любители (П. И. Лерх, И. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и др.). Наш научный руководитель являлся учеником и последователем Василия Лаврентьевича Вяткина. При-

няв эстафету прогрессивных традиций и научного наследия наших предков, юный тогда еще, а потом уже академик, М. Е. Массон на протяжении нескольких десятилетий зажигает интересом и любовью к краеведению новые поколения молодых, той смены, которой не просто механически принадлежит будущее по причине появления на свет позже своих учителей, а про которую научный руководитель сможет сказать: Successoribus rem serio commendo (Наследникам серьезно вручаю дело). В СНАКе и в экспедиции у студентов постоянно воспитывалось чувство научной этики. Ученый обязательно должен изучать историю исследуемого вопроса, т. е. должен отдать дань тем людям, которые занимались им до него. В этой связи учитель часто напоминал нам известное изречение Ньютона: «Я увидел дальше других, потому что взобрался на плечи всех тех, кто работал до меня». Будучи студентами, мы постоянно общались с археологами ранних выпусков кафедры археологии Средней Азии, со старыми снаковцами и ютакинцами. Они консультировали нас по различным вопросам, помогали обрабатывать и осмысливать сырой материал, оппонировали при защите дипломных сочинений, систематически участвовали в научных заседаниях кафедры и СНАКа. Ученики одной научной школы, мы быстро нахидили общий язык, хотя разница в годах и опыте была иногда немалой. Но острее всего родство душ чувствуется и проверяется на дальнем расстоянии. Своеобразное снаковское и ютакинское землячество создалось во Фрунзе, Ашхабаде, Самарканде и других городах.

Каждый коллектив имеет свое лицо и традиции. Есть они у кафедры, СНАКа и ЮТАКЭ — научных коллективов с солидным возрастом. Одни родились внутри их, другие принесены из научных кружков, обществ и экспедиций, в которых работали наши наставники. Отдельные прогрессивные традиции через нашего учителя заимствованы от старых туркестанцев-краеведов. Они помогают объединить многонациональный разновозрастный состав участников в единый сплоченный целеустремленный организм. Его главная задача — высоко держать знамя советской исторической науки.

Традиций было много и разных: научных, которые выразились в методике и приемах археологических наблюдений, фиксации их и археолого-топографической съемки и пр., традиций этики ученых — постоянная пропаганда научных знаний среди населения, умение с тактом вести расспрос старожилов о достопримечательностях края; скромность в своих научных успехах и т. д.; традиций бытовых.

Вспоминаю один эпизод по поводу скромности. В своем отчете о поездке на IV Среднеазиатскую студенческую конференцию, проходившую в г. Ашхабаде, на заседании СНАКа я отметила невысокий научный уровень ряда докладчиков из других городов. Как-будто все верно и ничего особенного я не сказала. Но руководитель кружка, комментируя мое сообщение, подчеркнул, что нельзя так субъективно относиться к оценке докладов и еще раз напомнил известную истину: «Кому много дано — с того много и спросится».

Каждый полевой сезон ЮТАКЭ проводила раскопочные работы под новым лозунгом, который служил одновременно эпиграфом и в полевом дневнике. Лозунги писались красной тушью на нескольких ватманских листах и вывешивались в «вестибюле» лагеря против входа над дверью в «кабинет» профессора. Вот некоторые из них: «Экспедиция — это многолетняя обработка собранных материалов». Ф. П. Рихтофен (XIX в.); «Все, что делается наспех, живет недолго». Саади (XIII в.); «Уважение к истории своей нации — вот признак истинного величия нации». Б. Н. Полевой (1960); «Nulla dies sine linea» («Ни одного дня (хотя бы) без черточки»). Плиний об Аппелесе (IV в. до н. э.); «Ни один сосуд не вмещает больше своего объема, кроме сосуда знаний — он постоянно расширяется». Средневековое арабское изречение; «Каждый человек может заблуждаться, но упорствовать в заблуждении может только идиот (или жулик). М. Г. Цицерон (1 в. до н. э.).

Все традиции быта вынашивались внутри самого коллектива, передавались изустно и их придерживались беспрекословно. Обязательные правила были установлены еще в первые годы деятельности ЮТАКЭ и на всем протяжении деятельности никогда не нарушались. Например, за столом места распределялись так: во главе стола сидел профессор, по обе стороны от него — научные сотрудники и гости, а дальше — практиканты. Чем ближе студент находился к порогу выпуска, тем ближе сидел по отношению к своему учителю. Замыкали ряды новички. По левую сторону от руководителя сидели ютакинцы, по правую ютакинки. А вот отчитывались не по ранговому признаку, а по порядку топографического расположения раскопочных площадок на городищах Старого Мерва. Дежурили всегда по двое, аккуратно выполняя все обязанности. Случайное нарушение установленных правил — ЧП для коллектива.

В один из душных майских дней 1971 года мы стояли со старой ютакинкой — кандидатом исторических наук, археологом В. А. Булатовой на трамвайной остановке. Вдруг Вера Андре-

евна обратила мое внимание на одну общую знакомую: «Смотри, только вышла из учреждения и уже пьет воду. Что значит не была в ЮТАКЭ и не прошла нашу школу выдержки».

Мне особенно нравилась волнующая традиция по-мервски встречать и провожать членов ЮТАКЭ и наших гостей. Обычно гости делали доклады и сообщения по роду своей деятельности, но интересные и для нас. Так побывал в Мерве любитель-археолог, аспирант Ленинградского института высокомолекулярных соединений А. Ильяшевич, который рассказал нам о проблемах современной генетики. Всегда с большим нетерпеньем мы ждали сообщений о результатах раскопок XIV отряда, вестей из Багира от I Старо-Нисийского отряда, с которым поддерживали регулярную переписку. Наконец, также приездов в лагерь старейшего сотрудника ЮТАКЭ, нынешнего начальника экспедиции Джан Мамеда Овезова и опытнейшего фотографа — среднеазиатского специалиста по съемке на месте, в природных условиях, археологических памятников — Ефима Наумовича Юдицкого. Фотофиксация археологических раскопок и вещественных находок в полевой обстановке очень важный момент в работе экспедиции. Ошибаться здесь нельзя. Но мы всегда за этот участок нашей деятельности были спокойны: мастерство Ефима Наумовича никогда не подводило. Мы не помним случая, чтобы Е. Н. Юдицкий отказал нам в изготовлении какой-нибудь фотографии, несмотря на систематическую загруженность срочной работой. Причем, фотографии студентам, а зачастую и молодым специалистам Ефим Наумович печатал, как говорится «на общественных началах» и на своих материалах.

В последний час до отъезда кого-либо из лагеря по ютакинской традиции и народному обычаю все члены отряда собирались за столом. Начальник экспедиции, как всегда, произносил напутственную речь. Потом слово предоставлялось «виновнику» этих минут. Говорили очень приподнято, сердечно и немного с грустью. И всем хотелось верить, что в Старый Мерв — край, пропитанный древностью и овеянный романтикой, посчастливится вернуться еще раз. Многие часто писали нам по привычному адресу, а некоторые, бывшие ютакинцы, действительно через несколько лет возвращались. Но теперь они участвовали в деятельности экспедиции уже в качестве научных сотрудников. Так, при мне работали в ЮТАКЭ бывшие снаковцы — Е. Заурова, Л. Мережин, Р. Филанович. Другие приезжали в Старо-Мервский лагерь просто погостить, как например, археолог Е. Б. Пругер и М. С. Мерщиев. Михаил Сергеевич закончил нашу кафедру за несколько лет до моего

поступления в университет. О нем много рассказывали. В ЮТАКЭ о М. С. Мерщиеве, как бывшем начальнике Старо-Мервского лагеря, часто приходилось слышать добрые воспоминания от байрамалийских рабочих — землекопов со стажем. Лично я с ним познакомилась во время его короткого приезда в наш лагерь в 1960 году. И первое, что бросилось в глаза — необыкновенная простота в общении с коллективом. И только сейчас, когда особенно активизировались поиски чем-либо незаурядно отмеченных участников Великой Отечественной войны, вдруг узнаешь от своего учителя, что они рядом с тобой, твои коллеги по профессии, и больше того, бывшие снаковцы и ютакинцы. Михаил Сергеевич Мерщиев в качестве захваченного в плен офицера был узником Освенцима, одним из тех немногих, которым удалось дождаться воинов Советской Армии. Я до сих пор еще нахожусь под впечатлением этого известия. Сколько пережито этим человеком и сколько у него скромности!

Наконец, дежурный дает прощальный сигнал. Последние рукопожатия. Ютакинцы передают приветы горожанам, напоминают просьбы. Машина трогается. Все долго машут рукой, а профессор платочком, под задорный, и все-таки чуть печальный, перезвон ударов рельса. Обыкновенно отъезжающие запевали одну из ютакинских песен. Дипломантам особенно тяжело было расставаться с Мервом и коллективом экспедиции. В последние, самые напряженные дни они все-таки выкраивали время проститься со своими любимыми археологическими объектами. Придется ли сюда вернуться вновь и когда? А если судьба и забросит еще раз, то сразу ли узнаешь Старомервское городище?.. Грандиозные новостройки Социалистической Туркмении все активнее наступают на целинные земли. И там, где от стихийного бедствия полторы тысячи лет назад погиб один из буддийских памятников, ныне гордо поднялась ввысь байрамалийская телевышка!

Но из всех проводов наших друзей, мне особенно запомнился уход на пенсию одного из старейших участников ЮТАКЭ — зам. начальника экспедиции, перса по происхождению, принадлежавшего к бехаистской интеллигенции, А. Х. Алиева-Гадеми. Абдул Хусейнович был преданным работником и большим патриотом ЮТАКЭ, внимательно относившимся к молодежи. Частенько вел с ней за столом поучительные беседы. Порой декламировал и даже пел ситихи Саади и других персидских поэтов. Их произведений он знал массу, а память у него была изумительная. Иногда каллиграфически писал крупными буквами с помощью

камышинки красивым арабским почерком лозунги и тексты для экспозиции лагерного музея. Провожали мы его в один из ноябрьских дней золотой осени 1960 г. Профессор за столом, за которым в таких случаях собрались по традиции все ютакинцы, выступил с торжественной речью, выразив Абдул Хусейновичу искреннюю благодарность за хорошую работу в ЮТАКЭ на протяжении 13 лет. Абдул Хусейнович растрогался и с дрожью в голосе произнес задушевное ответное слово, обращаясь главным образом к молодежи, которую он призывал поддерживать честь экспедиции. В заключении он сказал: «Мне никогда и нигде так хорошо и легко не работалось, как в ЮТАКЭ... И вам, молодежи, выпало большое счастье стажироваться именно в ней...». По моим щекам бежали слезы. Мне неудобно было за свою девчоночью слабость. Но почему-то вдруг стало очень грустно. Может быть, это было смутное предчувствие того, что с этим очень пожилым хорошим человеком мне никогда уж не придется встретиться. Прощаясь со всем коллективом, под звуки сигнального рельса, плакал у машины сам Абдул Хусейнович. Вскоре он умер...

Нас учили, что специалист-исследователь должен заботиться о внедрении научных знаний в производство, заниматься популяризацией и пропагандой научных достижений. Одним из видов наглядной отчетности археологов перед народом является проведение экскурсий на изучаемых объектах. Вот почему, коллектив ЮТАКЭ ежегодно принимает большое количество экскурсий, учащихся средних школ, техникумов, высших учебных заведений,учителей, колхозников, сотрудников различных учреждений и военнослужащих. За один только 1961 г. в Старом Мерве побывало за время пребывания там XVIII отряда ЮТАКЭ около 1100 человек. В большинстве случаев экскурсии проводили старшекурсники и дипломанты, а младшие студенты у них учились. Преподаватели в основном «подстраховывали» молодых гидов и отвечали на вопросы посетителей. В лагерном музее экскурсантов принимал сам Михаил Евгеньевич. В поле и в городе нас обучали мастерству оформления археологических и художественных выставок. Мы нашивали на картон фрагменты керамики, различные металлические изделия и украшения, раскладывали по коробкам бусинки и осколки стеклянных предметов, развешивали фотографии, чертежи и планы памятников, учились со вкусом расставлять археологические экспонаты. С помощью XVIII отряда ЮТАКЭ было положено начало историческим кружкам в нескольких школах и одном интернате г. Байрам-Али. ЮТАКЭ постоянно поддерживает связь с мест-

ным населением и стремится как можно больше людей заинтересовать прошлым родного края. Мы никогда не отказывали в беседах по истории памятников Старого Мерва даже одиночным посетителям. Тесные контакты поддерживали с коллективом Всесоюзного почечного санатория в г. Байрам-Али. Один из отдыхающих санатория журналист В. Амлинский, посетивший Старый Мерв несколько раз, под впечатлением знакомства с работой нашей экспедиции и ее руководителя, написал рассказ «Султан Санджар. Профессор и мальчик», который был напечатан в московском журнале «Смена» за 1964 г. № 24. Местные жители, побывавшие на наших раскопах и в лагерном музее, после того, проходя по городищу, уже с интересом всматривались в землю — не блеснет ли голубизной кашиновая бусинка, когда-то украшавшая, возможно, ожерелье юной красавицы, а может посчастливится заметить покрытую паутиной времени древнюю монету! Последней особенно будет рад седой «домулла-профессор». Обыкновенно успешный сбор предметов древности бывает весной после обильных дождей. Старомервское городище напоминает тогда разноцветный мозаичный ковер.

Мы искали самые различные пути пропаганды материалов экспедиции. Так, в целях внедрения в производство предметов художественной промышленности богатейшего орнаментального и сюжетного содержания в большом количестве обнаруженной ЮТАКЭ средневековой штампованной керамики, автор этих строк выступал в г. Ашхабаде перед мастерами-ковродельщицами и студентами художественного училища. Народный художник М. Рахимов по мотивам рисунков мервской глазурованной керамики IX — начала XII вв. расписал несколько чаш и сосудов, которые теперь экспонируются в музее искусств Узбекистана. Изображения фантастических птиц, скопированные с мервской средневековой посуды, были использованы моей подругой М. И. Сизовой, работающей художником на Ленинградском комбинате росписей по тканям. Она нанесла их на один образец крепдешинового платка. Такую косынку не отказалась бы носить ни одна модница.

Нельзя забывать и о том, что снаковцы и ютакинцы — коллектив молодых людей, которые всегда стремятся ощущать биение пульса и идти в ногу с жизнью страны. В ЮТАКЭ стало традицией полевые сезоны посвящать главным событиям деятельности нашей партии.

С большим вдохновением весь коллектив ЮТАКЭ встал на трудовую вахту, посвященную XXII съезду КПСС. Вот как

писала я об этом в снаковской газете: «17 октября 1961 года, конечно, день исключительный! Ведь XXII съезд КПСС является тем рубежом, на котором утвердился грандиозный план построения коммунизма в нашей стране. Чудесная цель не может не захватить людей творческого труда, к которым принадлежат и советские историки. Отсюда то вдохновение, с которым наш археологический коллектив брался за свою предсъездовскую вахту, включившись в нее с первого же дня приезда в Старо-Мервский лагерь».

И ютакинцы работали по-хорошему, со всей ответственностью во всех четырех группах и на всех 13 раскопочных площадках, чтобы ко дню открытия XXII съезда прийти с новыми достижениями во славу Советской науки.

Чем ближе становился день, тем больше нарастал внутренний подъем.

А две недели спустя, вернувшись загоревшими с поля, многие ли без живой вспышки в глазах реагировали на появившиеся на трех ватма́нских полосах крупные ярко-красные буквы с приветом этому съезду? Ведь равнодушных не было! К нему исподволь готовился каждый из нас. И каждый в тот чудесный день мог отчитаться в своих успехах перед нашей Родиной.

Этому событию был посвящен студенческий полевой номер газеты «Археолог», явившийся рапортом о достижениях, которых коллектив добился во время трудовой вахты, посвященной XXII съезду КПСС!

Молодые ютакинцы откликаются и на призывы к молодежи видных деятелей страны. СНАК ответил на обращение академика И. Д. Зелинского к молодежи, озаглавленного: «Овладевайте знаниями», помещенное в журнале «Техника молодежи», 1953 г., № 1. На заседании СНАКа от 13 мая 1955 года была обсуждена статья академика В. А. Обручева «Моим молодым друзьям», напечатанная в «Литературной газете» (1955 г.). Через два дня студенты отправили в порядке отклика письмо академику В. А. Обручеву.

СНАК и ЮТАКЭ, ставя перед собой главную цель — воспитание настоящих советских специалистов-археологов, параллельно отдавали много сил и росту в широком плане культуры у молодежи. Вот почему на заседании СНАКа был заслушан доклад Г. Н. Чаброва «О художниках, побывавших в Туркестане», сообщение В. Троицкого «О следах динозавров в Таджикистане», впечатления С. Б. Луниной «О фестивале молодежи в Москве», воспоминания Г. Г. Трофимова «О Шаляпине» и другие.

СНАҚ в течение нескольких лет вел переписку со старым педагогом-пенсионером, проживавщем в Кисловодске, Сергеем Сергеевичем Орловым, бывшим студентом историко-филологического факультета Петербургского педагогического института и проработавшего на почетном посту учителя 48 лет. В Мерве на снаковских заседаниях с большим интересом заслушивались его мемуары. Одно из его писем к ютакинцам начиналось словами:

> «Дорогие друзья, позволю себе назвать Вас дорогими друзьями, хотя лично не знаком с Вами. Ваше больше, чем любезное и, пожалуй, слишком высоко оценивающее мои записки письмо, тронуло меня до глубины души и очень ободрило в планах продолжать свои воспоминания. В частности, согласно Вашему желанию, я посвящу несколько страниц и отношению студенчества к событиям литературной и художественной жизни начала девятисотых годов.
>
> Правда, я должен заранее предупредить Вас, что в ту эпоху мы больше увлекались злободневными событиями общественной жизни, а литературу, театр и вообще исскуство ценили, главным образом, по тому, поскольку они отзывались на эти события. . .»

Отражением идей и настроений нашего коллектива являлся рукописный орган — газета «Археолог» и юмористический журнал «Веселый щуп». Газета, как правило, приурочивалась к двум событиям: к ноябрьским праздникам, когда подводился общий итог текущего полевого сезона, и ко дню очередной студенческой научной конференции Университета. Газеты выпускались солидные по объему и красочно оформленные в восточном стиле. В 1960 году газета вышла на рекордном количестве ватманских листов — на девяти! Слово в печатном органе предоставлялось каждому члену коллектива. Тематика подбиралась самая разнообразная. Но больше всего места отводилось итогам раскопочных работ. В полевом номере газеты подробно освещался активный летний отдых снаковцев. В сатирическом отделе «Археолога» имелась традиционная рубрика «Нарочно не придумаешь».

Журнал, как и газета, берет свои истоки со дня рождения СНАҚа и даже раньше — от Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАҚЭ, 1936—1938 гг.), в которой, кстати, выпестовался и самый стиль работы комплексных экспедиций вообще. Своего рода отпрыском «Веселого щупа», в настоящее время является рукописный журнал «Қанишка смеется», кото-

рый издают бывшие снаковцы и ютакинцы — участники историко-археологической экспедиции Института искусствознания Министерства культуры УзССР. Надо заметить, что наш журнал одно время находился в забвении и вновь начал выпускаться в 1961 году, когда была поднята история СНАКа и его добрые традиции. В экспедиции газету, выпускавшуюся к ноябрьским праздникам, оживляли тем, что каждый автор зачитывал свою статью вслух на торжественном заседании. Заметки писали с большой ответственностью, иногда по несколько раз советуясь с руководителем экспедиции и преподавателями, поскольку на газету могут быть сделаны ссылки в курсовых работах и докладах.

И так уж повелось, что снаковцы во всем должны быть первыми. Первыми они были и в организации художественной самодеятельности на истфаке. Незабываемое впечатление оставил вечер отдыха в 1941 году, когда снаковцы ставили скетч по А. Толстому «История России от Гостомыса до наших дней», где М. Е. Массон был руководителем, режиссером и ведущим. Тогда кружковцами был создан и свой хор.

И в Старомервском лагере постоянным спутником в работе ютакинцев была хорошая песня. Пели в поезде, в машине, по дороге на раскоп. По традиции «вечера песни» устраивались по субботам после возвращения из бани и по воскресеньям. Была своя любимая — «Кто бывал в экспедициях» с добавлением нескольких своих археологических куплетов:

Мне придется с рулеткою,
С нивелиром дружить.
Мне придется с разведкою
По горам проходить,
Чтоб история на фактах крепла,
Чтоб вставали из руин и пепла,
Города, сожженные врагами,
Погребенные в земле веками.

Особенно слаженно звучали: «Комсомольцы-добровольцы», «Там за тихой рекой», «За Нарвской заставой», т. е. песни 30-х годов. А в исполнении народных песен «Славное море, священный Байкал» и «Ты гори, гори, моя лучинушка», басом подтягивал нам сам профессор. Некоторые ребята с очень тихим голосом в обычной обстановке, вдруг запевали красивым баритоном. Помню, Михаил Евгеньевич всегда очень удивлялся «прорыву» сильного голоса у Володи Белоусова. Ежегодно свой песенный багаж мы пополняли новыми произведениями, частью

сочиненными своими поэтами. В 1956 году доцент кафедры, а ныне доктор искусствоведческих наук Галина Анатольевна Пугаченкова написала «Гимн археологов»:

Когда на заре розовеет земля,
Когда земледелец идет на поля,
И взмах кетменя подымает пласты,
На поле уходишь и ты.

Припев: В пустыне простор, расщелины гор.
Маршрут твой не легок и долог.
Пусть тайны твои земля затаит —
Их вырвет у них археолог.

В часы, когда сидя над стопкою книг,
Профессор седой и смешной ученик,
И юный студент пробегает листы,
Листаешь страницы и ты.

(Припев)

Но книга твоя — это книга земли.
Страницы ее утопают в пыли.
И ты прочитаешь сквозь всю эту пыль
Жизни былой погребенную быль.

(Припев)

И всю эту правду ушедших веков,
И труд благородный народов творцов,
И прах погребенной навек красоты
Откроешь и выявишь ты.

(Припев)

Ты людям поведаешь скорбный рассказ,
Как жили, боролись, трудились до нас.
Как грабили орды, как лилась кровь,
И как создавалось прекрасное вновь.

(Припев)

И еще необходимо отметить одну черту, характерную, как мне кажется, именно для ЮТАКЭ. Мы всегда чувствовали себя в коллективе. Мы вместе работали и вместе отдыхали, вместе делили радость и неудачу. Это постоянное чувство локтя своего товарища, особенно необходимо было в малолюдных районах

знойной Туркмении. А если вдруг кто-нибудь отделится от товарищей или взгруснет, ютакинцы уже осторожно выведывают причину. Помню, любила я ходить на свой раскоп, расположенный в средневековом пригородном квартале керамистов, одна. Наедине лучше мечталось, даже грустилось, и вспоминались близкие сердцу стихи Владимира Луговского:

Если б я в бога веровал
И верой горел, как свеча —
На развалинах древнего Мерва,
Я бы сидел и молчал.

После нескольких таких одиночных маршрутов Светлана Борисовна запретила ходить на раскоп без товарищей: по дороге могут быть разные неожиданности, да и рабочий тонус при таком настроении снижается и отрицательно действует на окружающих. Зато, каким трогательным вниманием окружили меня ютакинцы, когда было получено письмо из Ленинграда с известием об ухудшении здоровья мамы. Бывали и другие эпизоды в жизни Старомервского лагеря. Однажды у нескольких студентов вдруг расстроились желудки. В экспедиции подобное заболевание чревато всякими осложнениями и неприятными последствиями. Для больных ютакинцев готовился куриный бульон и подсушивались сухарики — роскошная пища для полевиков. За ужином по этому поводу мы часто шутили: «И почему у нас животы не болят? ..». В ЮТАКЭ, как уже говорилось выше, редко нарушалась дисциплина. Нарушители получали устные замечания и выговоры со стороны старших. Но иногда особо провинившихся обсуждали на студенческих собраниях без участия преподавателей. Протоколов заседаний и других обычных формальностей не было, зато был разговор начистоту. При мне снаковцы по такому поводу за все годы собирались только дважды.

В лексиконе среднеазиатских археологов давно употребляются два выражения: «массонята» и «по-ютакински».

«Массонята» — ученики Михаила Евгеньевича Массона. Прозвище — почетное.

Выражение «по-ютакински» употребляется чаще всего с глаголом работать.

«Работать по-ютакински» — это значит постоянно делиться и обмениваться вновь полученными научными данными и находками. «Работать по-ютакински» — это значит не замыкаться в себе и не копать для себя, а щедро отдавать свои знания и опыт народу, историю предков которого ты пишешь.

Сохранить верность ютакинским и снаковским традициям — значит, взять эстафету научно-исследовательских принципов от наших наставников и с честью передать завтрашнему поколению советских археологов.

Г. Б. НИКОЛЬСКАЯ

НЕДЕЛЯ В СТАРОМЕРВСКОМ ЛАГЕРЕ

(14—22 октября 1962 года)

Занимаясь в течение нескольких лет историей выходцев из Синьцзяна в Туркестане, я заинтересовалась судьбой небольшой группы уйгуров (таранчей), которые, по свидетельству некоторых письменных источников,* в 1890 году в поисках лучшей жизни переселились из Семиречья в долину Мургаба, где тогда в районе Байрам-Али создавалось «Мургабское Государево имение». Упоминание о компактной группе уйгуров, живущих в Байрам-Али, встретилось мне также в материалах переписи 1920 года, но более поздних данных по этому вопросу я найти не могла. Поэтому в конце 1961 года я обратилась за консультацией к некоторым ташкентским этнографам. Однако все они в один голос заявили, что в Байрам-Али никаких уйгуров нет и быть не может, а один из них не без ехидства объяснил мне, что в Байрам-Али живут туркмены, очевидно полагая, что я этого не знаю.

У меня не было оснований не верить моим консультантам, но и поверить им я тоже не могла.

За разрешением вопроса в январе 1962 года я решила обратиться к заведующему кафедрой археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета профессору Михаилу Евгеньевичу Массону. Михаил Евгеньевич много лет возглавлял Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ) и знал интересующий меня район Туркмении. Кроме того, я знала, что Старомервский лагерь XVIII отряда ЮТАКЭ, где ежегодно проходили практику наши студенты-археологи, находится недалеко от Байрам-Али и надеялась, что любознательные студенты-ютакинцы тоже помогут мне устано-

* ЦГА УзССР ф. И-17, оп. 1, д. 1292, лл. 1, 2, 11, 16; ф. И-1, оп. 4, д. 324, лл. 1, 3; обзор Семиреченской области за 1890 год, г. Верный, 1891, стр. 3. Обзор Закаспийской области за 1894—1902 гг., Ашхабад, 1903.

вить истину. И я не ошиблась в своих надеждах. Правда, профессор М. Е. Массон, в отличие от моих прежних консультантов, не дал мне сразу безапелляционного ответа, но отнесся к моим вопросам очень внимательно и вполне серьезно. Михаил Евгеньевич сказал, что сам он, кажется, не сталкивался непосредственно с уйгурами в г. Байрам-Али, но это, по его мнению, еще ни о чем не свидетельствует и поэтому он в ближайшее время свяжется с Байрам-Алийскими старожилами, а мне советует пока подробнее опросить всех студентов и преподавателей-ютакинцев, так как молодежь за время работы в Старомервском лагере, конечно же, установила разнообразные контакты с местным населением.

Буквально на следующий день профессор М. Е. Массон написал письма-запросы директорам и учителям истории двух больших байрамалийских средних школ, над которыми и сам профессор и все члены его экспедиции постоянно шефствовали. Я же, побеседовав с преподавателем-археологом Замирой Усмановой, а затем со студентами-археологами Даутом Исиевым и Э. Масимовым узнала, что среди их знакомых в г. Байрам-Али есть уйгуры-старожилы.

Уже в начале февраля был получен первый весьма подробный ответ на запрос Михаила Евгеньевича от учительницы истории и директора Байрам-Алийской школы № 3 Екатерины Ивановны Тикиной, а несколько позднее — от учительницы истории школы № 1 Анастасии Петровны Смирновой. К апрелю, в результате любезного содействия профессора М. Е. Массона, я уже точно знала, что в Байрам-Али действительно живет относительно небольшая, но довольно компактная группа уйгуров, которая составляет весьма заметную и активную часть постоянного населения этого города.

Тогда же профессор М. Е. Массон посоветовал мне самой поехать в Байрам-Али, чтобы на месте провести опрос населения и глубже изучить интересующий меня вопрос, входящий в проблему историко-этнографического изучения Южного Туркменистана. Предложение было очень соблазнительно, но так как я была занята учебными и административными делами (я исполняла обязанности заместителя декана факультета), то реализовать его сразу не удалось. Только осенью 1962 года, когда студенты-археологи выехали на практику в Старомервский лагерь ЮТАКЭ, я получила, наконец, командировку на неделю в г. Байрам-Али с заданием: «Познакомиться на месте с условиями прохождения производственной практики студентами-археологами исторического факультета ТашГУ». Я рассчи-

тывала, что, выполняя это основное задание, я сумею одновременно провести и сбор материала об интересующих меня уйгурах Южного Туркменистана.

13 октября 1962 года для ознакомления с условиями прохождения археологической практики студентами истфака ТашГУ я выехала поездом из Ташкента в г. Байрам-Али. Днем поезд шел по территории Узбекистана, ночью мы переехали Аму-Дарью, повернули на юго-запад и на рассвете уже ехали через пустыню Қара-Қум. Почти до самой станции Байрам-Али за окнами тянулась пустыня, частью заросшая верблюжьей колючкой, кое-где саксаулом, а в некоторых местах к самой дороге подходили песчаные барханы и солончаки. Непосредственно перед станцией Байрам-Али пейзаж несколько изменился, появились хлопковые поля, стала чувствоваться близость воды, но мое внимание привлек огромный земляной вал, который тянулся на некотором расстоянии к северу от дороги и был виден из окна вагона. Тогда я еще не знала, что это часть древнего городища Старого Мерва, но этот вал невольно приковывал к себе внимание и возбуждал любопытство.

В Байрам-Али поезд пришел ранним воскресным утром 14 октября. На станции меня встретили профессор М. Е. Массон и начальник Старомервского лагеря Светлана Борисовна Лунина. До прихода поезда они уже успели справиться с экспедиционными делами в городе, и поэтому мы сразу же на грузовике XVIII отряда направились в Старомервский лагерь ЮТАҚЭ. Дорога в лагерь шла в значительной части по территории Старого Мерва, развалины которого — это остатки нескольких городов и поселений, принадлежавших к различным эпохам. Вблизи эти развалины произвели на меня еще более сильное впечатление, особенно Гяур-кала — мощный оплывший вал былых стен с остатками башен, вдоль которого наша машина шла некоторое время, направляясь в лагерь.

Мне было известно, что Старомервский лагерь ЮТАҚЭ уже несколько лет располагается в заброшенной конюшне, что еще до выезда основного состава отряда начальник лагеря и несколько студентов обычно проделывали немалую работу, чтобы привести эту конюшню в годное для жилья и работы состояние. Зная все это заранее, я тем не менее была поражена, когда мы добрались до лагеря и я увидела эту конюшню своими глазами. Это было очень длинное глинобитное здание. Стояло оно посреди обширного чисто выметенного двора, частично обнесенного глинобитной же стеной, частично открытого на бескрайний пустырь. После города, поезда, тряски машины простор и ти-

шина, царившие здесь, действовали как-то особенно впечатляюще и умиротворяюще. Но самое интересное было внутри. Традиционная планировка конюшни была использована здесь с предельной целесообразностью. Войдя впервые в дверь старомервской конюшни, я очутилась в чистом и достаточно просторном помещении, которое без всяких натяжек можно было назвать холлом или вестибюлем, причем вестибюлем именно научного учреждения. Об этом свидетельствовал, прежде всего, висевший на видном месте написанный стилизованным шрифтом плакат со средневековым арабским изречением, которое было девизом XVIII отряда ЮТАКЭ в 1962 году: «У того, кто приобретает знания только по книгам, ошибок больше, чем правильных шагов». Этот призыв к связи науки с жизнью звучал очень актуально. Здесь же, в вестибюле, висела доска с приказами, объявлениями, распоряжениями, графиком дежурств и т. п. Вдоль боковых стен лежали образцы старинных кирпичей, найденных при раскопках на городище, несколько старинных ядер, а также были выставлены фотографии, дающие представление об истории ЮТАКЭ. Причем все это было сделано так тщательно и аккуратно, во всем чувствовался такой порядок, что казалось, будто ты очутился на кафедре археологии в Ташкенте, а не вошел в заброшенную конюшню, затерявшуюся на пустыре где-то между центральными и юго-восточными Кара-Кумами.

В «вестибюль» выходили три двери. Одна из них (против входа) вела в кабинет руководителя экспедиции профессора М. Е. Массона (бывшая комната старшего конюха). Кабинет этот был одновременно и научной библиотекой для членов экспедиции, так как Михаил Евгеньевич, как я успела заметить, имел с собой необходимый для работы минимум литературы по истории и археологии Средней Азии. Любой студент всегда мог получить в кабинете профессора не только устную консультацию, но и нужную для его работу книгу. Здесь это было особенно ценно, так как ближайшие научные библиотеки находилась за много сотен километров в Ашхабаде или Самарканде. Левая дверь вела в помещение, гда располагалась кухня, кладовая, а за ними спальни (бывшие стойла) женской половины. Правая дверь, как мне сказали, вела в столовую, из которой был вход в спальни мужской половины отряда.

По приезде мне сразу же отвели «персональное стойло» с кроватью и необходимыми постельными принадлежностями. Пока я устраивалась на новом месте и знакомилась с окружающей обстановкой, я обратила внимание на то, как свободно и в то же время по-деловому ведут себя наши студенты. Было

воскресенье, день отдыха, но не было праздношатающихся. Дежурные были заняты хозяйственными делами, некоторые студенты читали, другие что-то чертили или занимались обработкой материалов со своих раскопов, несколько человек оживленно обсуждали проект нового номера рукописного юмористического журнала «Веселый щуп».

Беседуя со студентами, я узнала, что скоро начнется заседание СНАКа (студенческого научно-исследовательского археологического кружка), что в Старомервском лагере они стараются жить по принципу: «Ни дня без дела» и поэтому по воскресеньям, когда они не работают на раскопах, обычно проводятся научные заседания.

Вместе со студентами я направилась через «вестибюль» в правую половину экспедиционного помещения и здесь поразилась еще раз. Мы оказались в просторном и светлом зале, очень чистом и хорошо приспособленном и для работы и для отдыха.

В центре зала стоял длинный стол, за которым одновременно могли разместиться до 30 человек, т. е. практически все члены XVIII отряда ЮТАКЭ и гости. Стол был накрыт очень чистой клеенкой и посреди его стояла древняя керамическая ваза (найденная на раскопе) с букетом метелок камыша. В углу, слева от входа было отгорожено небольшое помещение для приезжих, а на внешней стенке этого помещения висела большая, на нескольких листах ватмана, стенная газета «Археолог», орган СНАКа. Вдоль капитальных боковых стен зала и вдоль передней стены, отделяющей зал от мужской половины, расположился музей, настоящий музей истории старого Мерва, на стенах и полках которого были размещены экспонаты, созданные нашими студентами-археологами или добытые ими на своих раскопах. Это был полевой музей, но содержался он без всяких скидок на полевые условия. Не удивительно, что сюда постоянно шли экскурсанты в одиночку и приезжали группами. Но удивительно, сколько изобретательности и вкуса проявили наши археологи, и преподаватели, и студенты под руководством профессора М. Е. Массона, чтобы превратить заброшенную конюшню в такое удобное, уютное и всесторонне полезное помещение, которое было одновременно и кают-компанией и конференц-залом, и музеем, и кабинетом для камеральных работ.

Когда я впервые вошла в этот зал, было 10 часов утра. Здесь уже все было готово для заседания СНАКа: расставлены скамьи, приготовлена самодельная трибуна для выступающих. Заседание оказалось интересным. Первым выступил приехавший

накануне из Ташкента архитектор М. С. Булатов. Он сделал сообщение об архитектурных пропорциях мавзолея Санджара (XII в.) и о проекте его реставрации в первоначальном виде. Студенты слушали это сообщение с особенным интересом, потому что памятник этот знали они очень хорошо, так как он был расположен недалеко от лагеря, в центре городища Султан-кала. Я тоже успела увидеть издали этот памятник, в ближайшее время собиралась познакомиться с ним поближе и поэтому сообщение М. С. Булатова было интересным и для меня. Невольно думалось о том, насколько абстрактнее воспринималось бы это же самое сообщение в Ташкенте, если бы слушатели не видели сами этого памятника средневекового зодчества.

Вслед за М. С. Булатовым выступили студенты-старшекурсники П. Гаврюшенко и Б. Кочнев. Их выступления были подготовлены по заказу СНАКа и входили в традиционный для нашего археологического кружка цикл сообщений об активном проведении летних каникул.

П. Гаврюшенко рассказал о раскопках караханидского жилого дома на Краснореченском городище (Кир. ССР), а Б. Кочнев — о раскопках катакомбных захоронений в долине Кетмен-Тюбе в Киргизии. Обоих докладчиков я хорошо знала еще как студентов I курса и теперь с удовлетворением отметила про себя, как сильно они выросли. Их короткие сообщения содержали не только конкретный материал, с которым они столкнулись участвуя в раскопках, но и свидетельствовали о знакомстве со специальной литературой, о попытке осмыслить самостоятельно результаты раскопок, о том, что за прошедшие годы они прошли великолепную школу на нашей кафедре археологии и не потеряли времени даром.

В заключение заседания были прочитаны отрывки из воспоминаний почетного члена СНАКа заслуженного учителя С. С. Орлова о литературно-художественных интересах студентов Петербургского Педагогического института начала XX века. Оказалось, что у снаковцев вошло в традицию заключать свои полевые заседания подобными не археологическими информациями, так как это расширяет их общий кругозор и повышает культурный уровень. Нельзя было не согласиться, что это очень хорошая традиция, имеющая большое воспитательное значение.

Первый день моего пребывания в Старомервском лагере оказался очень насыщенным и богатым впечатлениями. Завершился он тоже очень интересно.

Вечером по сигналу гонга (точнее, висевшего во дворе куска рельса, по которому били металлическим стержнем), все собрались за длинным столом в «кают-компании». Во главе стола, освещенного керосиновыми лампами, сидел сам профессор М. Е. Массон, непосредственно слева и справа от него размещались начальник лагеря, преподаватели, гости из Ташкента (слева — я, справа — М. С. Булатов), далее сидели аспиранты, студенты старших курсов и в самом конце стола — первокурсники. Меня, конечно, очень интересовали студенты-археологи. В университете их было немного, они растворялись среди других студентов и тому, кто, как я, не работал с ними повседневно, трудно было заметить какие-то их особенности.

Теперь они сидели передо мной во главе со своим профессором почти все. Их было здесь 18 человек, и я впервые обратила внимание на то, что это сплоченный интернациональный коллектив. Среди студентов, сидящих за столом, я насчитала представителей восьми национальностей (русские, узбеки, уйгуры, туркмен, башкир, украинец, татарка, казах).

Обстановка за столом во время ужина была по-домашнему теплая, но ребята держались корректно и подтянуто. Это производило очень хорошее впечатление.

Так как вечер был воскресный, то за чаем не было деловых разговоров: студенты и преподаватели, отдыхая, непринужденно разговаривали, шутили, а затем по сигналу профессора началось хоровое пение. Мы у себя на факультете и не подозревали, что наши студенты-археологи — это еще и дружный хоровой коллектив. Репертуар был богатый: здесь были и революционные песни, и шуточные народные песни. Певцы были разные. Были такие, как студентка Валя Горячева, с хорошим слухом и голосом, которые вели за собой хор. Были и такие, голоса которые не очень выделялись. Но пели, как я заметила, все. При том пели с удовольствием и студенты и преподаватели. Оказалось, что хоровое пение по субботним и воскресным вечерам в Старомервском лагере тоже стало традицией. Должна сказать, что эта традиция, на мой взгляд, заслуживала всяческого одобрения; она способствовала сплочению молодежного коллектива и даже эстетическому воспитанию его. Если учесть, что за стенами «кают-компании» была темная осенняя ночь, а в ближайшем населенном пункте, на станции Байрам-Али, все «культурные удовольствия» в это время сводились к возможности посидеть в ресторане, то станет ясным, какое большое дело делали руководители практики — преподаватели и сам научный руководитель ЮТАКЭ профессор М. Е. Массон, про-

водя все субботние и воскресные вечера вместе со студентами, незаметно, но уверенно направляя их интересы и занятия в нерабочее время по верному руслу.

Незадолго до отбоя, завершив хоровое пение веселой шуточной народной песней, все разошлись по своим спальням. В 22 часа прозвучал отбой. Лагерь затих. Завтра для студентов предстоял обычный трудовой день, а я собиралась побывать на раскопочных площадках и посмотреть, как они работают.

Утром, бе̂з пяти минут семь, все уже были в сборе за столом. Ровно в семь часов появляется, как всегда подтянутый и чисто выбритый профессор М. Е. Массон, приветствует собравшихся, занимает свое место во главе стола и прежде всего выясняет, все ли здоровы. За завтраком, проходящим в строго деловой обстановке, профессор уточняет задания начальникам раскопочных площадок (студентам-старшекурсникам), говорит с начальником лагеря о необходимости некоторых хозяйственных дел.

К восьми часам утра все расходятся и разъезжаются по своим рабочим местам. Михаил Евгеньевич, Светлана Борисовна и я отправляемся на раскопы. Светлана Борисовна, выйдя из лагеря, идет в сторону средневекового городища Султан-калы, где работают ее подопечные студенты, а мы движемся в направлении Гяур-калы. Это античное городище сегодня кажется мне еще более величественным, и я опять думаю о том, как повезло нашим студентам-археологам, что они имеют возможность проходить практику в таком уникальном районе, как Старый Мерв, под руководством такого крупного ученого, как Михаил Евгеньевич Массон.

Мы объезжаем и обходим один раскоп за другим. На всех раскопах образцовый порядок. Студенты — начальники раскопочных площадок докладывают профессору о ходе работы, с новых находках, о своих предположениях. Михаил Евгеньевич внимательно выслушивает каждого, вникает во все мелочи, помогает разобраться в возникающих вопросах. Я обратила внимание на то, как уважительно относятся рабочие к нашим студентам — начальникам раскопочных площадок и как естественно и просто студенты-археологи делают свое требующее немалых знаний дело.

В последующие дни, бывая на раскопах, я пришла к выводу, что секрет успехов наших студентов не только в их чисто археологических знаниях, не только в дисциплине, но также и в том, что в сложных и трудных природных условиях они не теряются и чувствуют себя хозяевами. Условия работы на рас-

копочных площадках вовсе нелегкие: это и палящее солнце, и пыль, и жара, а иногда и пронизывающий холодный ветер. Кроме того, здесь изрядное количество различных неприятных насекомых, скорпионов, фаланг и змей, в том числе и весьма ядовитых. За одну неделю, проведенную в старомервском лагере я не слышала ни одной жалобы от студентов на трудные условия, но за эту же только одну неделю была свидетельницей того, как наши студенты во время работы справлялись со змеями. Одна змея была тихо без шума убита на раскопе студентки Дресвянской. Две ядовитых эфы, также спокойно, были пойманы живыми, студенты поместили их в банку и собирались взять с собой в Ташкент, чтобы передать биологам. А перед отъездом я видела, как маленькая, очень скромная и тихая студентка Бахтул Абдулгазиева деловито шла от своего раскопа, неся за хвост большую извивающуюся змею. Откровенно говоря, я окаменела, но Бахтул успокоила меня и сказала, что эта змея не ядовитая и не опасная, поэтому она отнесет ее подальше от раскопа, чтобы та не мешала работать.* Конечно, такая храбрость не случайна. Она результат того, что на нашей кафедре археологии при подготовке студентов к выезду в поле огромное внимание уделяется и изучению природы. Причем, дело тут, конечно, не только в каких-то специальных курсах, а в том, что профессор М. Е. Массон и все преподаватели кафедры стараются передать свой богатый опыт и знания о природе студентам и внушить им, что взаимоотношения природы и человека тоже должны иметь научную основу.

Прошло много лет с того дня, как я впервые побывала на раскопах в Старом Мерве. Но многое помнится до сих пор. Особенно запомнился мне стратиграфический шурф в Эрк-кале, примыкающей к северному валу Гяур-калы. Там руководила работами Замира Усманова, такая маленькая рядом с шурфом 12-метровой глубины, что просто трудно было представить, как ей удалось провести такую работу. Большой интерес вызвал у меня раскоп буддийского ступа, в юго-восточном углу Гяур-калы, где накануне моего приезда были сделаны интереснейшие находки: керамическая расписная ваза с древнеиндийскими документами и огромная ярко раскрашенная глиняная головы Будды. Очень хорошо запомнился мне также квартал керамистов к западу от Султан-калы, где много лет работала Светлана Борисовна Лунина. Раскопов было много: это были

* Невольно вспомнила я при этом другую студентку (не археолога), которая, находясь летом на практике в Москве, всполошила все студенческое общежитие, увидав на стене клопа.

и раскоп овального здания христианской общины античного времени, и раскоп богатого жилого дома средневековья, а также раскоп близь первой соборной мечети Гяур-калы, и раскоп мечети Намазгох в западной части Рабада и т. д. Каждый студент имел свое определенное рабочее место и совершенно определенное задание и постоянно находился под ненавязчивым контролем своих руководителей.

Вечером, после ужина, каждый начальник раскопа докладывал профессору М. Е. Массону в присутствии всех своих товарищей о том, что сделано за день, какие вопросы и трудности возникли в процессе работы, что интересного и нового было найдено в течение дня, каковы планы на следующий день. Михаил Евгеньевич, внимательно выслушав каждого, сделав замечания и ответив на вопросы, уточнял задания на следующий день. В течение недели я каждый вечер с большим интересом наблюдала, как после беседы с профессором многие студенты располагались тут же за столом, чтобы до отбоя успеть обработать найденные на раскопе материалы или просмотреть нужную книжку, чтобы завтра работать более продуктивно.

Через два дня после приезда, после того как я побывала в Байрам-Али, установила связь с местными уйгурами, поработала в районном и городском статуправлении и т. д., я тоже стала каждый вечер докладывать о том, что успела сделать за день. В результате у меня появился добровольный помощник, студент-археолог из уйгур Даут Исиев. Он не только был хорошим гидом и переводчиком, но и после моего отъезда продолжал опрос населения в Байрам-Али и Туркмен-Калинском районе в соответствии с составленным мною планом. Он собрал полезный для моей работы материал и привез его после полевого сезона в Ташкент.

Собранные в процессе опроса Байрам-Алийских уйгуров факты дали мне возможность убедиться в правильности некоторых моих предположений, изложенных мною в ранее подготовленной небольшой статье, а также собрать материал для новой публикации о советских уйгурах в Южном Туркменистане. Я была удовлетворена результатами, но ютакинцы привыкли коллективно обсуждать результаты работ своих коллег. Поэтому перед отъездом в Ташкент мне предстояло выступить с некоторыми предварительными соображениями об итогах своей работы на 266 заседаниях кафедры Археологии Средней Азии ТашГУ. Это заседание было проведено в очень необычной обстановке.

Строго следуя традиции активно проводить отдых, на воскресенье 21 октября профессор М. Е. Массон назначил коллективный выезд на городище Улы-Кишман, которое находится по прямой не более чем в 40 километрах к северу от лагеря, в песках, на юго-восточной окраине центральных Кара-Кумов. Однако, путь наш не был прямым. Новый Каракумский канал пересек пустыню примерно на середине пути от Старого Мерва до Улы-Кишмана. В пустыне уже начали появляться совхозы, хлопковые поля, дороги, мосты. Наши машины прошли путь не менее, чем в 70 километров вдоль вновь освоенных земель и вдоль канала, прежде чем мы достигли цели. Но какая же это была интересная поездка и какое же огромное познавательное и воспитательное значение она имела! По пути к древнему затерянному в песках пустыни городищу студенты своими глазами видели, как идет преобразование природы. Особенно незабываемое впечатление производил Каракумский канал в тех местах, где ещё тогда не началось освоение земель и вода шла по пустыне. Это была совершенно голубая вода в окружении плоской и желтой равнины. Все это выглядело как-то даже неправдоподобно и в то же время рождало чувство гордости за людей, создавших такое чудо. Эта поездка, по-моему, имела огромное воспитательное значение и давала гораздо больший воспитательный эффект, чем десятки лекций о преобразовании природы.

Переехав мост через канал, мы некоторое время двигались на восток вдоль его северного берега, а затем повернули прямо на север, вглубь пустыни Кара-Кум и вскоре достигли городища Улы-Кишман, где в эпоху средневековья находился город Хурмузфарра. Вокруг городища простирались бескрайние пески. Студенты сразу же очень деловито приступили к главной цели своей поездки, к изучению средневековых погребений, а профессор М. Е. Массон начал обход древней цитадели. При обходе цитадели профессор очень наглядно объяснил мне, как расположение пустынной растительности дает возможность восстановить план древних поселений. Тогда же на городище Хурмузфарра была найдена первая раннесасанидская монетка. К середине дня намеченный план работ был выполнен. Был объявлен обеденный перерыв и кратковременный отдых, а затем началось заседание кафедры. Оно проводилось в заброшенном домике пастуха. Этот домик был расчищен и приведен в годное для использования состояние еще три недели назад, когда сюда впервые выезжали наши студенты и проводили здесь выездное заседание СНАКа. Теперь здесь вновь собра-

лись все студенты и сотрудники. Но пожалуй, самое интересное заключалось в том, что и здесь, в Кара-Кумах, на заседании кафедры присутствовали гости. В Ташкенте каждое заседание кафедры археологии всегда привлекало немало интересующихся. Но откуда они здесь, в пустыне, вдали от дорог?! Однако же были, оказывается, интересующиеся и здесь! Это были трое почвоведов (кажется ленинградцев) и топограф-землемер, изыскательские партии которых работали где-то в этом районе.

266 заседание кафедры археологии открыл ее заведующий профессор М. Е. Массон, который подвел итоги однодневного обследования городища Хурмузфарра. Затем слово было предоставлено мне для краткого сообщения об истории появления уйгуров в южном Туркменистане. После ответов на вопросы и краткого заключительного слова заседание закончилось. Мы двинулись в обратный путь.

Было уже совсем темно, когда мы вернулись в лагерь утомившиеся, но довольные и полные впечатлений. Несмотря на усталость, студенты все же не нарушили традиции и после ужина до отбоя спели хором несколько веселых песен.

На следующий день я с утра отправилась в прощальный обход по раскопам. Вечером я должна была уезжать и мне хотелось еще раз посмотреть как работают наши студенты, насколько они продвинулись за прошедшую неделю. На этот раз было много нового у студентов, которые вели стратиграфическую разведку к северу от большой дороги близ восточных ворот Гяур-калы. В частности, запомнилось, что среди их находок был целый склад керамических ядер. Много времени провела я опять и на раскопе буддийского ступа, наблюдая, как под руководством проф. М. Е. Массона студенты работают над фиксацией найденной здесь головы Будды.

На всех раскопах дело двигалось вперед, и было ясно, что и на этот раз студенты вернутся с практики обогащенные новыми знаниями и новыми практическими навыками.

Вечером 22 октября, попрощавшись с гостеприимным коллективом XVIII отряда ЮТАКЭ, я выехала в Ташкент.

ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА СТАРОМЕРВСКОГО ЛАГЕРЯ ЮТАКЭ

1. Вся лагерная жизнь регулируется начальником лагеря в соответствии с утвержденным лагерным расписанием.

2. В помощь начальнику лагеря и в качестве общественного контроля за соблюдением правил внутреннего распорядка, лагерного расписания и своевременного обслуживания устанавливается ежедневное очередное дежурство всех сотрудников ЮТАКЭ (1 дежурный и 1 помощник дежурного), кроме старших членов экспедиции.

3. В распределении своего рабочего времени сотрудники ЮТАКЭ руководствуются лагерным расписанием, соблюдая указанные сроки, отмечаемые соответствующими сигналами. В случае необходимости почему либо изменить часы своих занятий сотрудники согласуют это каждый раз с начальником лагеря и своим непосредственным руководителем.

4. Начальнику лагеря подчиняется весь технический персонал.

5. Каждый сотрудник, покидая лагерь, информирует начальника лагеря и своего руководителя о намеченном маршруте. Оставление лагеря без разрешения не допускается.

6. Запрещается пить сырую воду.

7. В 22 часа все огни в лагере тушатся. Право занятий после указанного срока предоставляется только начальнику лагеря и хозяйственнику.

8. После 22 часов на территории лагеря запрещается всякий разговор хотя бы шопотом.

9. В районе лагеря запрещается бросать всякий мусор. Бумажки и окурки кладутся в специальный ящик.

10. Нарушители дисциплины и традиций ЮТАКЭ удаляются из экспедиции.

Научный руководитель ЮТАКЭ

профессор М. Массон.

ЛАГЕРНЫЙ РАСПОРЯДОК ЮТАКЭ

6 ч. 30 м.	Подъем.
7 ч. 00 м.	Завтрак.
7 ч. 30 м.	Сбор к выходу на рабочие площадки.
12 ч. 00 м.	Перерыв.
13 ч. 00 м.	Возобновление работ на раскопочных площадках.
16 ч. 00 м.	Свертывание работ на раскопочных площадках.
18 ч. 00 м.	Обед.
19 ч. 00 м.	Камеральная обработка.
22 ч. 00 м.	Сигнал ко сну.

Научный руководитель ЮТАКЭ
профессор **М. Массон.**

ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ ЮТАКЭ

Годовщина Ашхабадского землетрясения

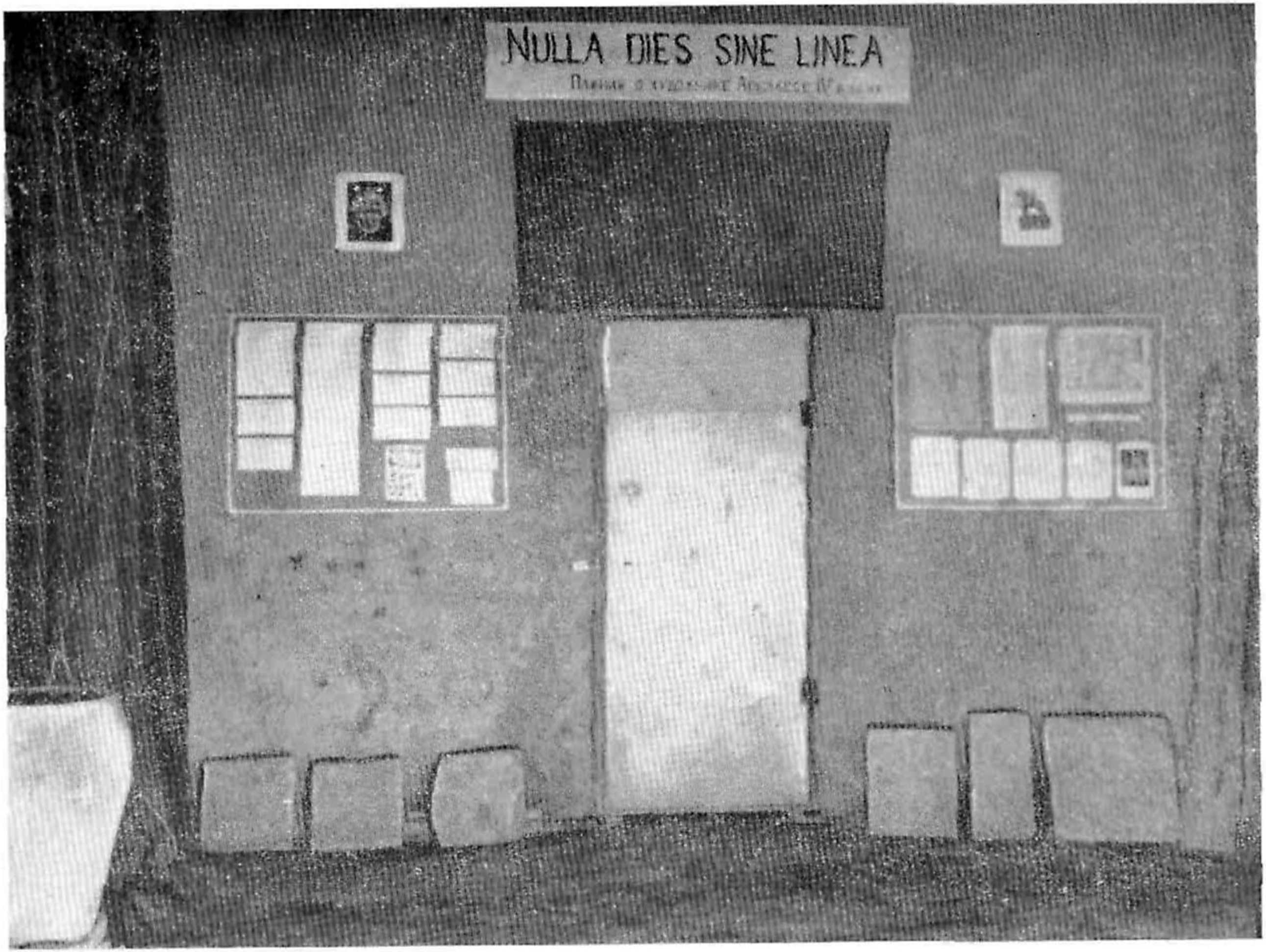
В ночь с 5-го на 6-е октября 1948 года во время крупного Ашхабадского землетрясения в ауле Багир и в городе Ашхабаде погибла половина землекопов 1-го, 2-го и 3-го отрядов ЮТАКЭ, работавших на раскопках Нисы, шофер Газанфар Данышвар, агент для поручений Шихоркина, члены семей Д. М. Овезова и бухгалтер А. В. Панжина.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

6 Зак. 1622

1

2

3

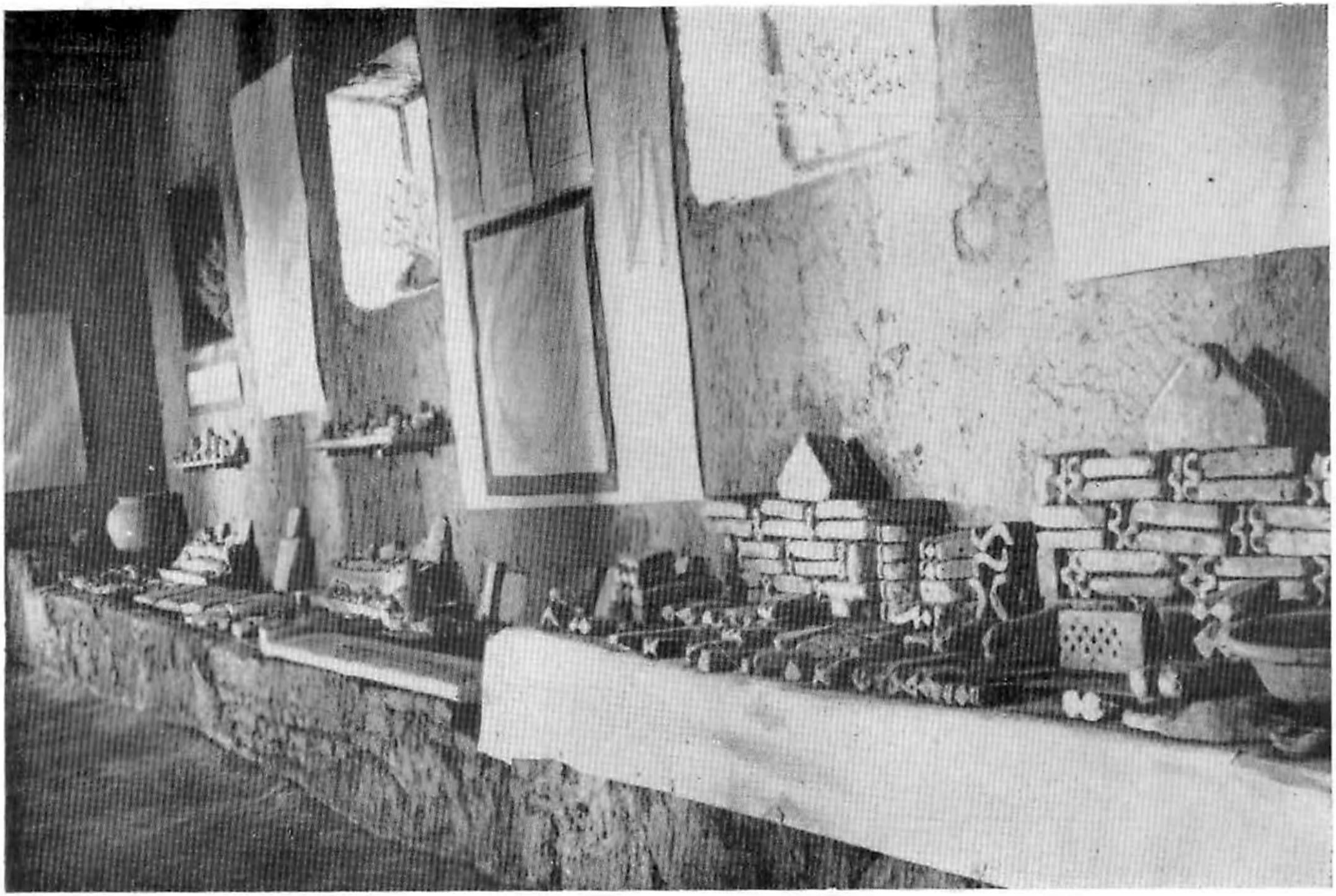
5

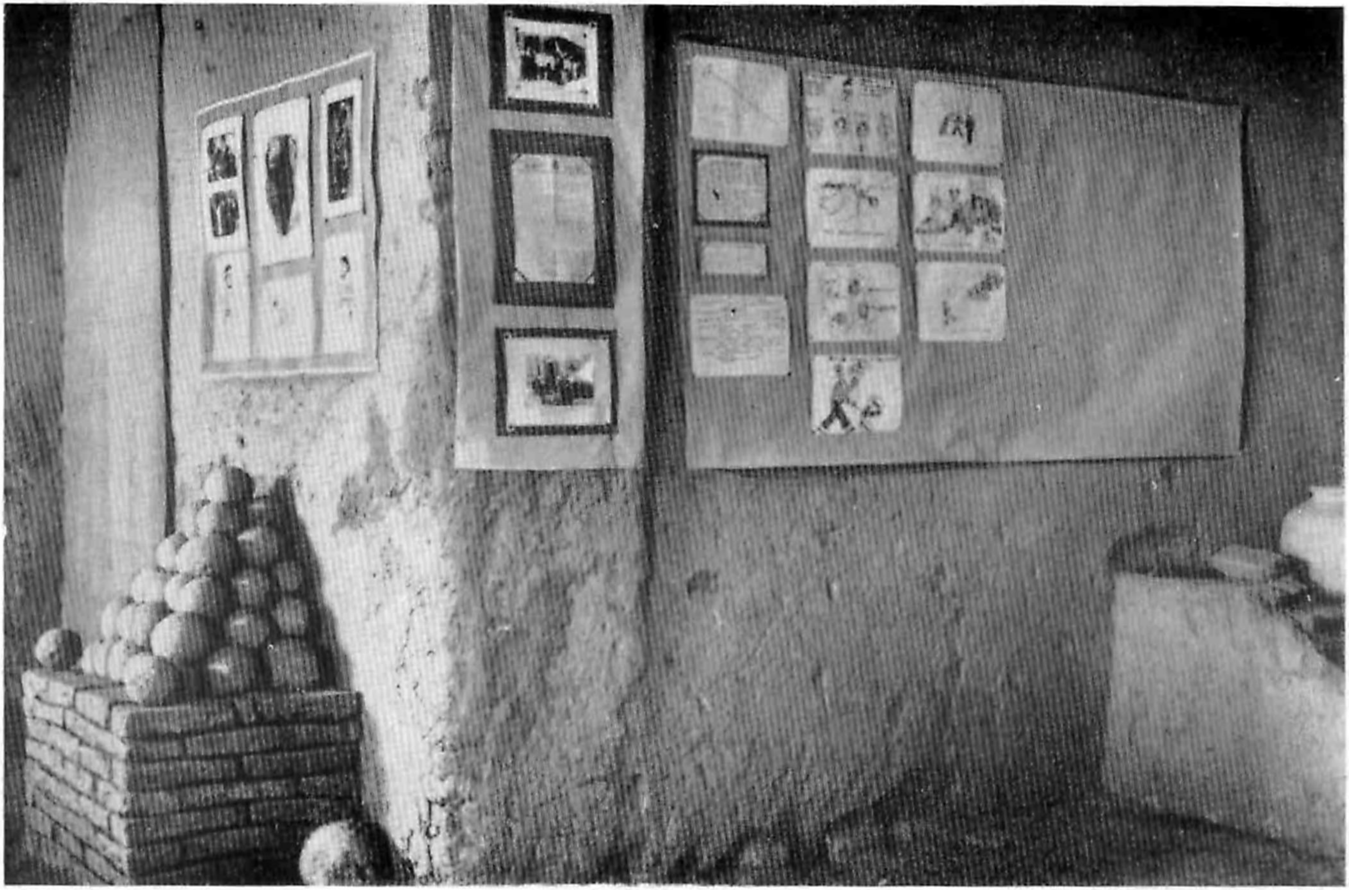
6

„ЭКСПЕДИЦИЯ-ЭТО МНОГОЛЕТНЯЯ
РАЗРАБОТКА ПРИВЕЗЕННОГО
МАТЕРИАЛА."

7

8

9

10

11

12

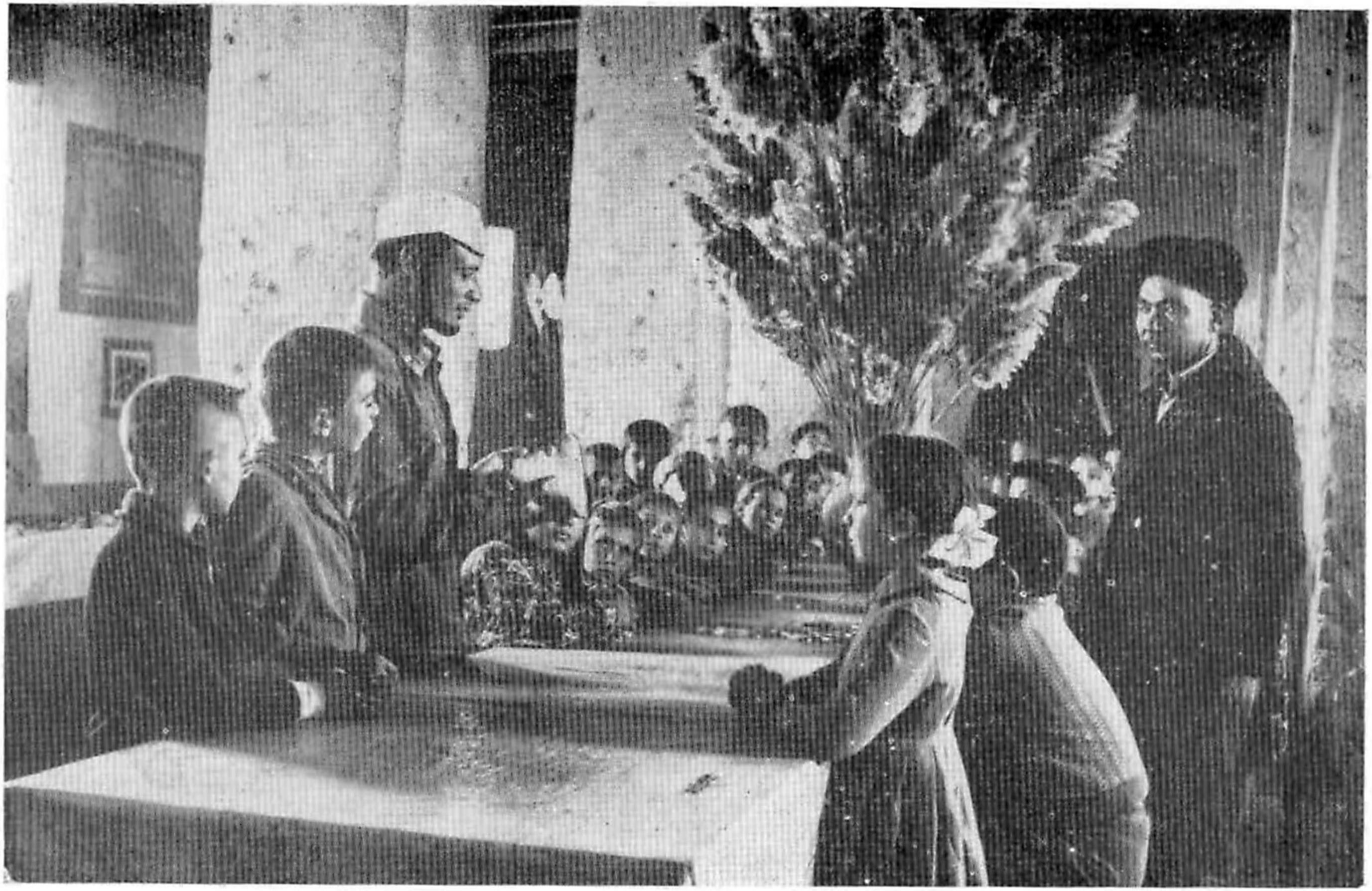

13

14

16

7 Зак. 1622

17

18

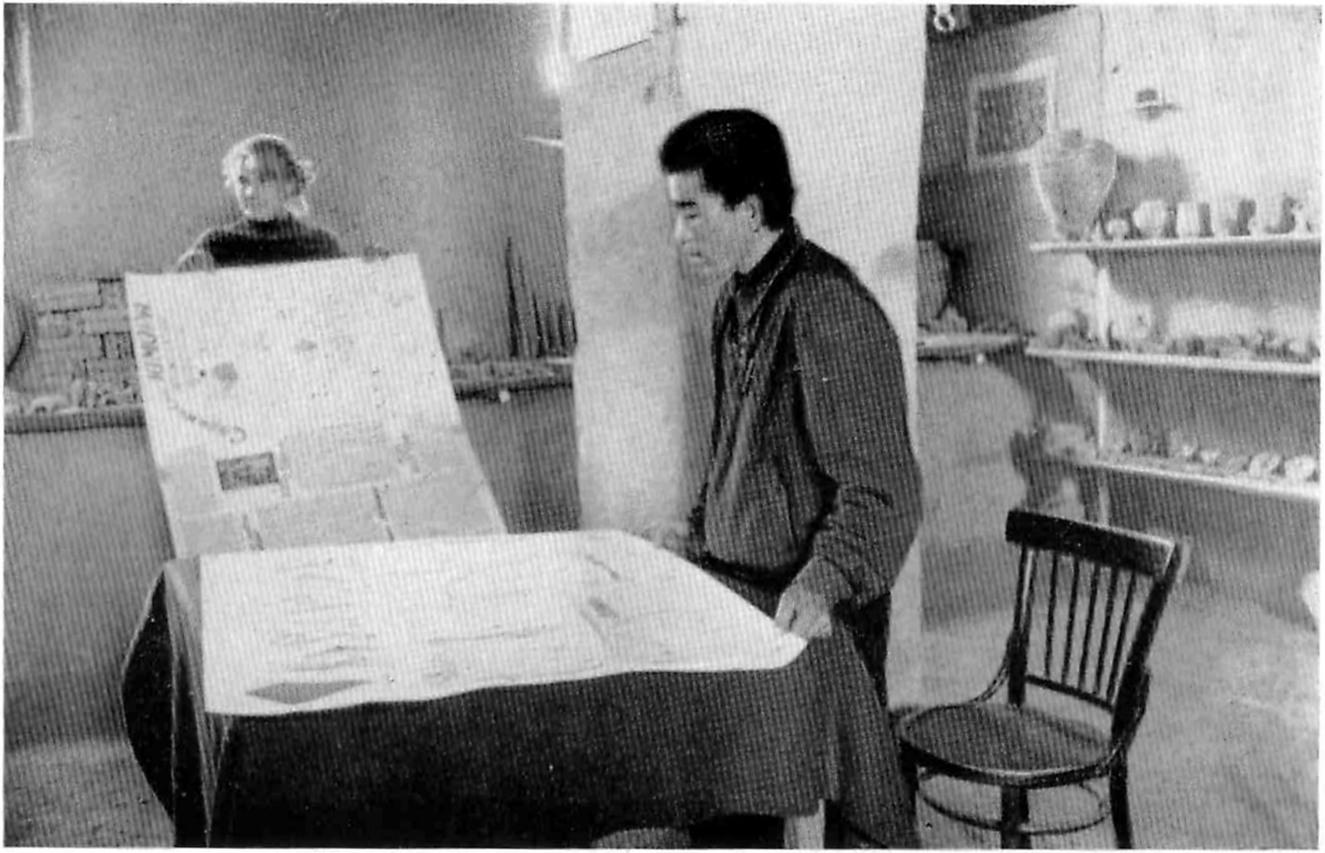
19

20

21

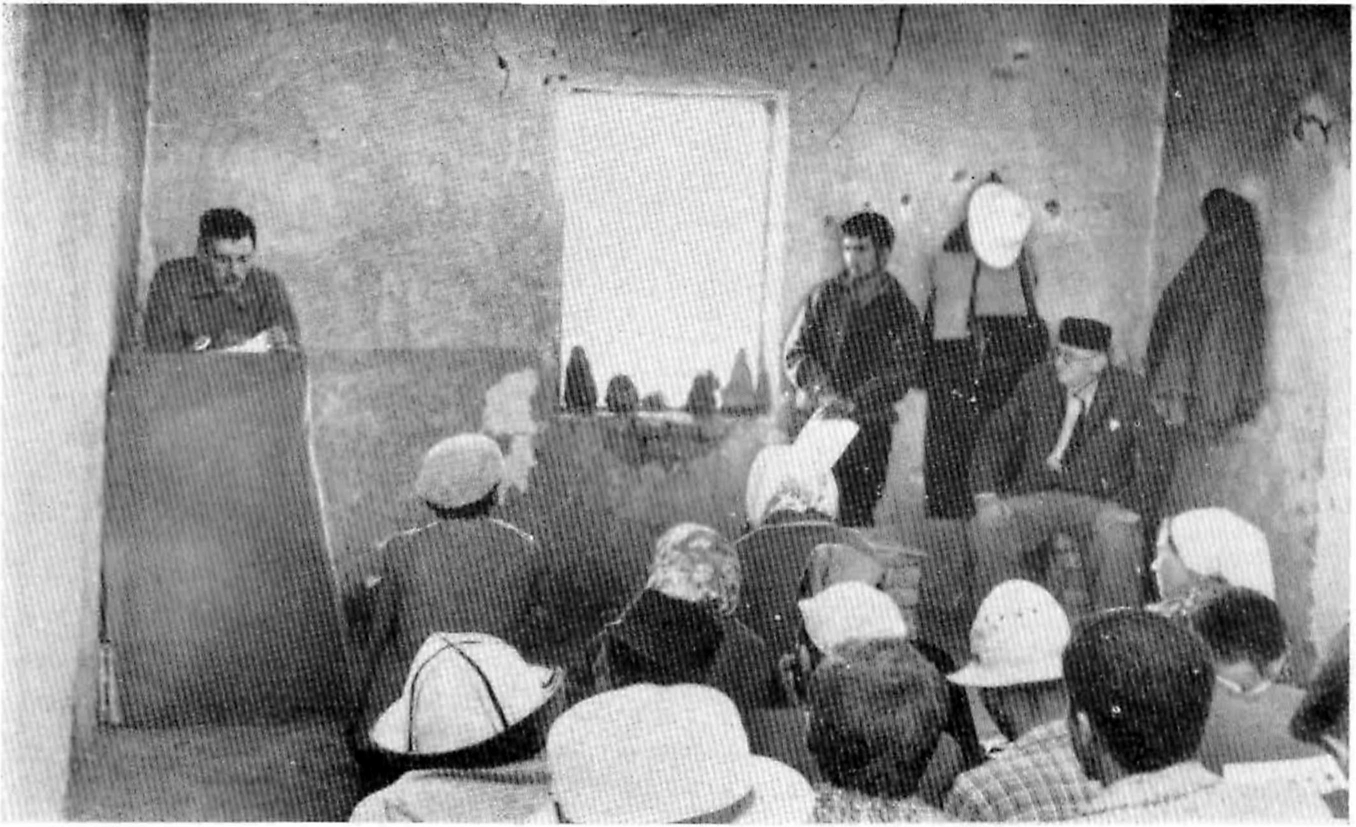
22

23

104

25

ОГЛАВЛЕНИЕ

И-00640. 1/III 1972 г. Заказ 1622. Тираж 1000 экз. Цена 40 коп.

Типография № 2 Управления по печати Ленгорисполкома.
Ленинград, Фонтанка, 36.

Цена 40 коп.